

Игорь Окунев
В СССР я повидал все

«Автор»

2018

Окунев И. В.

В СССР я повидал все / И. В. Окунев — «Автор», 2018

Книга повествует о последних 38-ми годах существования Советского Союза. Читателю предстоит побывать в детском саду того времени, школе, техникуме, институте, армии, тюрьме, колонии строгого режима, сумасшедшем доме, на различных предприятиях, в колхозе и т.д. Он окажется сначала на месте рядового солдата Советской армии, а потом в мундире армейского командира. Ему придется изведать самый тяжелый физический труд грузчика и самый тяжелый умственный труд конструктора. В книге прозвучат рассказы участников Великой отечественной войны и воспоминания людей, живших при царе. Перед читателем развернутся яркие отношения между мужчинами и женщинами.

© Окунев И. В., 2018

© Автор, 2018

И. В. ОКУНЕВ

В СССР Я ПОВИДАЛ ВСЕ

I

Я родился 6 марта 1954 года в городе Борисоглебске тогда Балашовской области. Позднее Борисоглебск перевели в Воронежскую область. А до революции Борисоглебск входил в состав Тамбовской губернии.

Мой отец Окунев Валентин Павлович родился в 1925 году в одном из сел Тамбовской области. Его отец (мой дед) был зажиточным крестьянином благодаря тому, что обладал большой физической силой и работоспособностью. На его бицепсе завязывали веревку, и дед рывал ее, напрягая бицепс. Большевики отобрали у деда все нажитое честным трудом имущество, и он был вынужден переехать со своей семьей в Борисоглебск.

В тридцатых годах в центре города поставили памятник Ленину. Дед, проходя мимо этого памятника, крикнул:

– Черта поставили! Довел людей до нитки!

За это дед был арестован большевиками и, как враг народа, расстрелян.

Моему отцу присвоили статус «сын врага народа». Большевики интенсивно промывали ему мозги, в результате чего он до конца своей жизни повторял наизусть цитаты из работ Сталина. А еще он ненавидел владельцев легковых машин и часто говорил:

– У них на машинах стоят очень мощные двигатели. У отца на мельнице был слабенький движок. Но у нас из-за это отобрали все, посчитав слишком богатыми.

Отец тоже обладал большой силой и работоспособностью. Грудная клетка у него была как бочка. Когда мне было 16 лет, я с трудом обхватывал ее руками. Вернувшись из армии, отец всю жизнь проработал механиком на Борисоглебском предприятии «Сельхозтехника». Его часто посылали в колхозы на сев и уборку урожая. Отец работал на тракторе день и ночь, поражая окружающих людей своей невероятной работоспособностью – никто из этих людей не был в состоянии так напряженно работать. Вот такую прекрасную породу русских людей уничтожила Советская власть. Я, его сын, уже не обладал такой силой и работоспособностью. Хотя в моей армейской характеристике было написано «Физически развит отлично», но это далеко не соответствовало истине.

Отец был на фронте. Он воевал матросом на катере Дунайской военной флотилии. Имел редкую награду – медаль Ушакова с якорной цепью. Отец рано разошелся с моей матерью, и до 16 лет у меня были очень смутные воспоминания о нем. Его лицо я не помнил. Запомнилось, как он рисовал немецкие бронетранспортёры (впереди колеса, сзади гусеницы), и я точно повторял его рисунки. А еще он показывал мне какие-то большие наручные часы и говорил, что снял их с фрица.

Моя неожиданная встреча с отцом произошла, когда мне было уже 16 лет. Какой-то мужчина крепкого телосложения зашел во двор нашего дома и спросил у меня:

– Окунев Игорь здесь живет?

Я ответил:

– Да, это я.

Мужчина сказал:

– Я тоже Окунев.

И я понял, что это – мой отец. С того момента мы стали с ним довольно часто видаться и общаться. Он много рассказывал мне о своей жизни. Из этих рассказов я узнал, каким образом

те большие часы попали в его руки. После разгрома Будапештского котла в наш плен попало много старших офицеров Вермахта. Команда катера, на котором служил отец, приняла на борт большую группу этих офицеров, чтобы перевезти их в тыл. Все члены команды были молодыми ребятами. Как известно, у молодежи при виде иностранцев всегда возникает желание взять у них какие-нибудь сувениры на память. И наши матросы стали брать у пленных немцев некоторые их вещи. Отцу достались те часы, другим матросам повезло больше – у них оказались различные золотые и серебряные предметы.

Когда пленных высадили на берег в месте назначения, какой-то ненормальный с криком «Гады! Они изнасиловали мою жену и дочь!» стал расстреливать немцев из ручного пулемета. Матросы пытались остановить его, но не смогли.

Еще отец рассказывал, как они ворвались в один венгерский город, но он был пуст – все жители покинули его. По улицам бродила только одна молодая и довольно привлекательная мадьярка. Она подошла к нашим матросам и попросила их заняться с ней групповым сексом. Конечно, наши парни не могли отказать этой несчастной девушке. Они все охотно стали выполнять ее просьбу. Делали они это в порядке очереди. Но какой-то матрос родом с Украины влез без очереди, и отец вынужден был подраться с ним.

Когда катер отца шел в бой, и рядом с ним рвались вражеские снаряды, а над головами матросов свистели пули и осколки, то отец, как и все его товарищи, испытывал в своем теле неприятную дрожь, которую он называл мандражом. Избавиться от этих неприятных ощущений нашим ребятам помогало прекрасное венгерское вино, которого на катере было в избытке.

После окончания войны отец еще 7 лет служил в оккупационных войсках в Вене. Кроме наших военных, там были еще и американцы. Эти парни отличались чистотой обмундирования. Наши матросы не уступали им в этом. А вот наши пехотинцы были одеты позорно. Отец рассказывал такой случай. Однажды он со своими сослуживцами ехал в Венском трамвае. На остановке зашли бравые американские солдаты, а за ними наш грязный и зачуханный пехотинец, очевидно, деревенский мужик. Американцы начали смеяться над ним. Пехотинец растерялся и покраснел. Неожиданно он чихнул, и у него под носом повисли сопли. Один из американцев вынул свой носовой платок и, под хохот своих друзей, вытер пехотинцу сопли. Наши моряки не выдержали и начали избивать американцев. Эти наглецы отважились сопротивляться. В результате у трамвая были выбиты все стекла. Военная полиция задержала наших матросов и сопроводила их в Венскую тюрьму. На другой день освобождать их приехал наш генерал. В присутствии иностранных офицеров он всячески ругал наших матросов, но, оказавшись наедине с ними, поблагодарил за помощь нашей пехоте.

Речь отца изобиловала флотскими поговорками и скороговорками. Жаль, что я их не записывал. Но одну из них я запомнил – «косный, вялый, сентиментальный, флегматичный, апатичный».

Отец пил каждый день, оправдывая это тем, что на фронте мечтал пожить хотя бы один день после войны, а прожил гораздо больше. Но с ног он никогда не падал. Как-то, будучи уже студентом Московского авиационного института, я выпивал с отцом. Пили водку, и выпито ее было очень много. За время пьянки я два раза отрубался, а отец ни разу. Отец умер 11 января 1991 года.

Моя мать Бодренко Анна Ивановна родилась в 1925 году в одном из сел Тамбовской области. Хотя предки ее были крестьяне, но среди них были довольно одаренные и талантливые люди. Некоторые из них при царе пробились в инженеры и офицеры. Ее мать (моя бабушка) была «матерью-героиней» – у нее было 7 детей. Вообще она родила больше, но два ребенка умерли. Моя мать была старшим ребенком в семье. Так как семья была большая и прокормить всех было трудно, то мою мать еще девочкой отдали в город Борисоглебск на воспитание к одним милосердным людям. Рассказ о них позже.

Мать поступила в Борисоглебское медицинское училище. Когда началась война, мать добровольцем ушла в Красную Армию. До 1943 года служила в Борисоглебском гарнизоне. За нарушение дисциплины не раз сидела на гауптвахте. Потом медсестрой прифронтового госпиталя ее отправили на фронт. Служба была очень тяжелой. Мать постоянно отдавала свою кровь нашим раненым. Дошла до Германии – последними немецкими городами, где мать побывала, были Зорау, Цвикау и Зоган.

О жестоком отношении наших солдат к немецкому населению мать ничего не рассказывала, а наоборот говорила, что это отношение было довольно мягким. Одна немка подарила ей несколько вещей – платье, картину с изображением ребенка (до сих пор висит на стене у матери), мундир немецкого генерала. Из этого мундира мне позже сшили зимнее пальто – материал чистая шерсть. Погонами и петлицами этого мундира я потом долго играл.

С фронта мать вернулась лейтенантом медицинской службы, поступила медсестрой в ЦРБ города Борисоглебска и всю жизнь проработала там.

У матери были хулиганские замашки. Она была всех своих мужей. Помню, мы сидели с ней за столом и ели селедку. В это время второй ее муж (мой отчим) тихо вошел в комнату и стал украдкой пробираться за спиной матери (он был выпившим). Оглянувшись и увидев пьяного отчима, мать вскочила и с размаху ударила его кулаком по лицу – к щеке отчима приклеился хвост селедки, который мать держала в руке.

Доставалось и мне. Как-то, делая уроки, я сломал перо, которым писал. Разъяренная мать схватила солдатский ремень и со всей силы ударила им меня по голове. Тяжелая латунная бляха ремня рассекла кожу моей головы, и кровь хлынула мне на глаза.

II

Практически сразу после своего рождения я попал в дом тех милосердных людей, которые воспитывали мою мать. Теперь им пришлось воспитывать и меня. Это были супруги Говоровы – Василий Афанасьевич и Ольга Евдокимовна. Происходили они из крестьян. Родственниками нам не доводилось. Кроме нас с матерью они воспитали еще несколько совсем чужих им детей.

Дедушка (как я его звал) Василий Афанасьевич родился в 1899 году в одном из сел Борисоглебского уезда. В гражданскую войну он воевал на стороне красных. Во время Великой Отечественной войны сражался на Ленинградском фронте пехотинцем – ходил в атаки на немецкие позиции, а также в тыл к немцам за языком. Думаю, что он был героем, так как у него было две награды: Орден Красной Звезды и медаль «За Отвагу». С фронта он вернулся с тяжелым ранением – осколком мины ему повредило лопатку левой руки, и эта рука поднималась только до уровня его плеча.

Он рассказывал, как в составе роты красноармейцев ходил в атаку. Наша артиллерия начинала бить по немецким позициям, и немцы прятались в блиндажи. Наши пехотинцы подползали к немецким траншеям, прыгали в них и забрасывали немецкие блиндажи гранатами. Дед бросил несколько гранат в один блиндаж и после разрывов услышал ужасный вой и отчаянные крики находившихся там немцев. Таким образом красноармейцы успешно взяли несколько немецких траншей. Но тут налетели немецкие самолеты, и наше наступление заглохло. После боя собирали трупы наших убитых солдат – их было много, они лежали штабелями. Я, будучи еще ребенком, спросил:

– А немецких убитых?

Дед ответил:

– А немецких убитых еще больше.

Дедушка получал пенсию в размере 400 рублей. Потом после денежной реформы 1961 года его пенсия составила 40 рублей. Бабушка согласно традициям царской России не работала, поэтому пенсии у нее не было.

Дедушка подрабатывал тем, что его иногда приглашали резать свиней. В этом деле он был мастером. Не даром на фронте он часто ходил в тыл к немцам, где ему приходилось бесшумно снимать ножом немецких часовых. Когда он ходил резать свиней, он иногда брал меня с собой. Дед подходил к свинье, резко поднимал ее левую переднюю лапу и наносил короткий и точный удар ножом в сердце. Свинья даже не успевала издать какой-либо звук.

Помню как-то раз дед предложил хозяину свиньи выпить свежей свиной крови. Тот ответил, что во время войны он напился крови досыта. Потом этот человек рассказал, как его подразделение остановилось на отдых в центре какого-то села. И тут ударила немецкая дальноточная артиллерия. Осколком снаряда у его друга выбило челюсть. Из страшной раны хлынула кровь. Друг сидел вплотную к нему, поэтому этот фонтан крови попал ему прямо в рот.

У дедушки было два любимых выражения «япона мать» и «японский городовой». Эти ругательства родились в России в конце девятнадцатого века в связи с тем, что в апреле 1891 в японском городке Оцу местный городовой бросился на цесаревича Николая, будущего царя Николая II, и ударил его саблей по голове. Русский народ любил семью Романовых и за причиненную цесаревичу боль сильно ругал японцев.

Бабушка Ольга Евдокимовна родилась тоже в 1899 году в одном из сел Борисоглебского уезда. До революции она служила кухаркой в дворянской семье. Как-то, будучи пионером и убежденным сторонником Советской власти, я спросил у нее:

– Сейчас людям живется лучше, чем при царе?

Бабушка, не задумываясь, ответила:

– При царе жилось лучше.

Дедушка, услышав это, поднес палец к губам и сказал:

– Помалкивай.

Бабушка рассказывала, что до революции в их деревне был сильный пожар, и сгорело много хат. Рядом с деревней жила помещица, которую крестьяне любили как родную мать. Эта женщина щедро выделила пострадавшим в пожаре огромную сумму денег на постройку новых домов. Этих денег хватило и на то, чтобы вместо соломы покрыть эти дома жестью.

Как-то раз в той дворянской семье, где служила бабушка, было какое-то торжество. Один из членов этой семьи в подвыпившем состоянии приказал бабушке сходить в магазин и купить еще спиртного. Делать это бабушке было строго запрещено, и она отказалась. Пьяный человек в ярости схватил ее за шиворот и начал трясти. Его родственник, увидев эту выходку пьяного, вlepил ему пощечину. На шум сбежались другие члены дворянской семьи и заставили негодяя, хватавшего бабушку за шиворот, извиниться перед ней.

Любимым выражением бабушки было: «Иди ты в Манчжурию». Это выражение появилось во времена Русско-японской войны 1904-1905 годов. В те годы русская армия терпела в Манчжурии досадные поражения, поэтому «идти в Манчжурию» считалось верхом позора.

В то время нашей страной правил Никита Хрущев. Вообще весь советский период нашей истории характерен проблемами с питанием. При Хрущеве эти проблемы резко обострились. Стране грозил голод. По указанию Хрущева, чтобы облегчить для населения бремя грядущего голода, людям стали выдавать мизерные пайки, которыми человек, конечно, не мог прокормиться. Эти пайки в народе называли «мешочками». Бабушка ненавидела эти «мешочки», но еще больше она ненавидела самого Хрущева. Слушая его эмоциональные выступления по радио, бабушка с негодованием повторяла:

– Лысый дурак! «Мешочки» придумал!

Голодал ли я в то время? Как ни странно, голод мне не грозил, потому что у меня абсолютно не было аппетита, и я испытывал полное отвращение к еде. У меня, как и у многих детей

того времени, было неправильное физическое развитие. Это объяснялось недостатком в пище советских детей каких-то важных продуктов питания. Так как мои родители тоже родились в советское время, то отвращение к еде и неправильное развитие очевидно являлось адаптацией советского человека к условиям жизни впроголодь.

В подтверждение моих слов я скажу следующее. Мой старший сын Дима родился в 1982 году, то есть в советское время. У него было неправильное физическое развитие. Младший сын Игорек родился в 1991 году, когда Советская власть уже рушилась. В том году из Федеративной Республики Германии в наш город в качестве гуманитарной помощи привезли огромное количество упаковок детского питания. Игорька мы кормили этим питанием, и его физическое развитие было нормальным.

Вернемся к бабушке. Она была очень религиозным человеком и регулярно посещала единственную в городе церковь по улице 40 лет Октября. Эта церковь каким-то чудом уцелела в советское время из тех 14-ти церквей, которые были в городе до революции.

Бабушка иногда лупила меня. Дедушка нет. Только один раз, когда я плюнул на кошку Мурку, дед взял меня за шиворот и слегка встряхнул.

Когда мне было лет 6, весь город облетело шокирующее известие – рабочий кирпичного завода отрезал голову директору завода и бросил ее в помойную яму. Все жители города, охваченные ужасом, говорили только об этом. Что же произошло? Оказалось, что директор должен был по закону предоставить этому рабочему жилье. Директор не сделал этого, сказал рабочему подождать в течение какого-то времени. Когда это время прошло, директор, из желания поиздеваться над рабочим, предоставил жилье другому человеку, а тот рабочий остался ни с чем. Конечно, это привело его в состояние глубокого душевного волнения, в котором он и совершил убийство.

Как и все крупные начальники того времени, директор был коммунистом. Это означало, что он был должен глубоко уважать рабочий класс и всячески защищать его. Но на деле этот коммунист издевался над рабочими еще более жестоко, чем «проклятые капиталисты» при царе. Уже один этот факт подтверждает слова бабушки, что при царе жилось лучше.

Когда рабочего судили, то абсолютно не приняли во внимание факт издевательства со стороны директора и, как следствие, глубокое душевное волнение у рабочего. Несчастного приговорили к расстрелу и вскоре привели приговор в исполнение.

До революции в России были случаи, когда террористы убивали губернаторов. Причинами для таких расправ являлись вполне законные действия этих губернаторов, вытекавшие из требований их должностных инструкций. На суде этих террористов часто оправдывали, допуская возможность нарушения должностных инструкций. Это еще раз подтверждает слова бабушки, что при царе жилось лучше, чем при Советской власти. Советская власть присвоила себе право как угодно истязать подвластный ей народ – царь такого себе не позволял. Царь стыдился быть жестоким. Большевики этого не стыдились – они получали наслаждение от своей жестокости по отношению к людям.

Будучи учеником пятого класса, я карандашом нарисовал Пушкина. Дед увидел и изумился – Пушкин был очень похож. Дед взял рисунок и понес его в школу, где я учился, чтобы показать учителям. Учителя, увидев рисунок, всяческим хвалили деда за то, что он воспитал такого хорошего внука.

Через некоторое время я нарисовал Ленина. Дед еще больше изумился и опять понес рисунок в школу. Но на этот раз деду сильно не поздоровилось. От учителей он получил серьезный нагоняй. Оказалось, что рисовать вождя, не имея на то разрешения властей, является уголовно наказуемым преступлением. И я вполне мог загреметь за это в тюрьму. Так как дед не пресек это преступление, то и он мог попасть туда же вместе со мной.

Дедушка привил мне любовь к рыбалке, которую я потом пронес через всю свою жизнь. В окрестностях Борисоглебска протекает две живописные реки – Ворона и Хопер. Ворона рас-

положена несколько ближе к городу, чем Хопер. Особенно живописным является место впадения Вороны в Хопер. Мы часто рыбачили с дедушкой на Вороне, а иногда даже доходили пешком до Хопра. Мне хорошо запомнилась одна рыбалка, когда я поймал крупного язя, а второй язь порвал леску моей удочки – на поверхности воды я успел увидеть только его живот с красными плавниками. Дедушка тогда поймал крупного леща.

Моя память сохранила несколько ярких воспоминаний детства. На нашей улице два мужика часто дрались, нанося друг другу удары велосипедными насосами. Насосы от этого гнулись. Это было забавно наблюдать.

Один раз я видел, как мужики избивали парня, держа его за волосы и тыкая лицом в песок. Когда лицо парня поднималось над песком, то было видно, что оно густо измазано смесью песка с кровью и слезами. От жалости к этому парню я горько плакал.

Будучи ребенком, я заболел воспалением легких. Заболевание протекало в тяжелой форме – я задыхался от кашля. Дедушка с бабушкой очень переживали за меня. Благодаря тому, что они заботливо ухаживали за мной, я все-таки поднялся на ноги. Когда я первый раз вышел на улицу после выздоровления, со мной был дедушка. Мы пошли с ним в парк, который располагался рядом с нашим домом. Была осень, и парк был пуст. Дедушка всячески пытался развеселить меня. В парке стоял тренажер летчиков – большое колесо, в котором человек мог вращаться, переворачиваясь вверх ногами. Дедушка стал в это колесо. Не закрепив ноги и держась только одной правой рукой (левая не поднималась из-за ранения), он попытался перевернуться. Естественно, после первого же полуоборота дедушка вылетел из колеса и всем телом грохнулся об землю. Он ничего не повредил себе, но мне было очень жалко его.

Однажды зимой детей катали на больших санях, прицепленных к трактору. В сани забралось много ребят, в основном уже больших. Я был маленьким, но тоже залез туда. Я стоял на краю саней у невысокого ограждения, доходившего мне до коленей. Ребята за моей спиной сильно давили на меня. Я изо всех сил сопротивлялся этому давлению. Но в конце концов мои силы иссякли, и я опрокинулся через ограждение. Так как мои ноги были плотно прижаты к нему стоявшими в санях ребятами, то я повис в воздухе. В то время, как сани довольно быстро двигались, я висел, раскачиваясь и ударяясь головой о ледяную дорогу. Это продолжалось довольно долго, пока какая-то женщина не увидела и не остановила трактор. Весь заплаканный, я вернулся домой.

На нашей улице жил один молодой человек. Ростом я был ему по пояс. Однажды играя, я повис у него на ноге. Размахнувшись, он с силой ударил меня кулаком в живот. Дыхание у меня перехватило, и я долго корчился на земле, пока дыхание восстановилось. Я это запомнил на всю жизнь. До недавнего времени я часто встречал этого человека, теперь уже седого старика, преподавателя одного из учебных заведений Борисоглебска. Смотря на него, я всегда думал: «Как же ты, сволочь, мог так ударить маленького ребенка?»

Иногда я заходил в гости к матери, которая жила с отчимом на квартире. Однажды, пытаясь приучить меня к самостоятельности, она дала мне денег и послала в магазин за хлебом. В магазине была огромная очередь, и я растерялся. Ко мне подошла какая-то девушка и сказала: – Мальчик, давай мне свои деньги. Я куплю тебе хлеб без очереди.

Я отдал ей деньги. Девушка отошла, а потом незаметно скрылась в неизвестном направлении. Домой я вернулся ни с чем.

Когда я был совсем маленьким, но уже умел ходить, соседский петух клюнул меня, попав в висок буквально в миллиметре от глаза. Было много крови, и остался шрам, который с годами перемещался все дальше и дальше от глаза.

Когда мне было лет одиннадцать, мы с ребятами стреляли из рогаток. Один из моих друзей наклонился, чтобы подобрать камень для рогатки. Я выстрелил из рогатки поверх его наклоненной спины. И в этот момент мальчик выпрямился. Очень острый камень, выпущен-

ный из моей рогатки, попал ему точно между глазом и переносицей, разрезав кожу до крови. Каким-то чудом глаз не пострадал.

Дедушка, бабушка и я вместе с ними жили по улице Дубровинской в бывшем доме купца Михаила Пирожникова. Дом был поделен на 4 квартиры. Кроме нас там жили еще партизан, старая проститутка и вдова убитого на фронте солдата. Все жильцы дома жили между собой сравнительно мирно. Но к партизану мы испытывали некоторую неприязнь. Ночью из различных мест его квартиры доносился сильный стук и грохот – партизан упорно искал клад, спря- танный бывшим хозяином дома.

Однажды, ремонтируя крыльцо, дед действительно нашел клад – 10 серебряных ложек. Без всякого сомнения клад принадлежал купцу Михаилу Пирожникову – на ложках стояли его инициалы «МП». Я находил под крыльцом несколько монет царской чеканки. Досадно, что эти ложки и монеты не сохранились.

До революции в этом доме было электрическое освещение и телефон – в помещении сохранилась электропроводка, а с наружи на стене стояли изоляторы. Но в начале шестидеся- тых годов, когда уже Гагарин полетел в космос, мы еще жили без электричества – вместо него была керосиновая лампа.

В доме было много клопов. Иногда появлялись вши. Вшей часто находили и у детей из нашего класса. Очевидно, это объяснялось нехваткой моющих средств в магазинах города и неэффективностью тех средств, которые удавалось раздобыть. При царе в нашем городе было изобилие таких средств – в Борисоглебске работало несколько мыловаренных заводов, которые потом были сожжены большевиками.

Несколько раз дедушка тихим голосом рассказывал взрослым (а я слышал), как в Бори- соглебске после революции его знакомый большевик расстреливал огромное количество людей – мужчин, женщин и детей. И только позже я понял, что это были семьи дворян, купцов, инже- неров и т.д., которые до революции составляли население нашего города. Практически боль- шевики истребили почти все население нашего города. Из сорока заводов, которые были до революции в Борисоглебске, после нее осталось только шесть. Когда-то богатейший и процве- тающий город Российской Империи превратился в ничтожество.

В конце концов электричество в нашем доме все-таки появилось. Но наказанием за малейшую провинность еще долго после этого было «отрезание света». В середине шестиде- сятых годов в нашем доме у солдатской вдовы появилось даже такое чудо, как телевизор. С бабушкой мы часто ходили к этой вдове и смотрели телевизор – в то время такие визиты были в порядке вещей.

Я прекрасно запомнил тот день 4 апреля 1966 года. У соседки мы смотрели фильм «Летят журавли». На экране летели журавли, а бабушка каким-то чужим голосом сказала:

– Отведите меня домой.

Изо рта у нее хлынула кровь. Я понял, что бабушка умирает и вместе с соседкой, босиком и раздетым, побежал к ближайшему месту, где был телефон, чтобы вызвать «скорую». Когда «скорая» приехала, бабушка была уже мертва. Не буду описывать все, что я пережил. Скажу только, что смерть бабушки была таким сильным потрясением для меня, что в школе я из отличников скатился в троечники.

III

Вскоре после этого мать забрала меня к себе. Через месяц я встретил дедушку в центре города. Он заплакал. Протягивая мне трясущейся рукой деньги на мороженное, он просил:

– Приходи...

Я приходил к нему один раз. Спросил, чем ему помочь. Принес ведро воды из колонки. Потом мать мне строго запретила ходить к нему, так как дедушка стал жить с какой-то жен-

щиной. Он умер в 1970 году. Его квартира досталась той женщине. Спустя много лет я заходил к ней в надежде найти там свои детские рисунки. Конечно, ничего не нашел, но был удивлен тем, что эта женщина была довольно молодой и шустрой.

Брак матери с отчимом распался вскоре после смерти бабушки – причиной стало то, что мать не могла родить отчиму ребенка. Отчим, Солодков Алексей Павлович, был не плохой человек. Он родился в 1931 году в хуторе Салтынь в то время Сталинградской области в казацкой семье. Его отец погиб на фронте. Отчим в молодости сидел в тюрьме за то, что сбежал из ремесленного училища. Там сидели пленные немцы. С одним из них отчим подрался из-за куска хлеба.

Освободившись, он работал водителем грузовика. Это давало ему возможность зарабатывать дополнительные деньги, как правило путем воровства. Благодаря этому отчим сумел построить небольшой дом по улице Садовое кольцо. На этой стройке он подорвал свое здоровье, тяжело заболел, но мать выходила его. Тем не менее, он прожил довольно долгую жизнь. После развода с матерью, он женился второй раз, и у него родился сын. После того, как и этот брак распался, отчим вернулся на родину, в хутор Салтынь. Туда, совершая очередное путешествие на велосипеде, я и заехал к нему 17 сентября 2006 года. Это событие отражено в моем дневнике.

Отчим играл на гармошке. Видя, что это интересно мне, отчим купил мне по дешевке списанный баян, у которого залипали кнопки. С помощью платного преподавателя я научился играть на нем. До сих пор я каждый день играю на баяне и пою, сменив уже третий баян.

После развода с отчимом, матери досталась половина построенного им дома. Мать продала ее и на вырученные деньги купила очень маленький домик по улице Крестьянской. В нем была крохотная кухня – справа печь, слева кухонный стол. Узкий проход между ними вел в соседнюю комнату. В этой комнате были справа шифоньер и кровать, а слева диван и стол. Проход между ними настолько узкий, что дверца шифоньера при открывании упиралась в диван. В этой ужасной тесноте мы прожили с матерью долгие пять лет. Потом мы переехали в однокомнатную кооперативную квартиру, которую мать, заняв большую сумму денег, купила в рассрочку. Стало немного просторнее.

IV

Учился я в средней школе №1 города Борисоглебска с 1961 по 1971 годы. До революции эта школа была женской гимназией. Главный корпус школы был одним из самых красивых зданий в Борисоглебске. Он был построен из кирпича, на стенах имел украшения, а на крыше – многочисленные шпили. В этом здании учились школьники с пятого по десятый класс. Дети с первого по четвертый класс учились в небольшом деревянном доме во дворе школы.

Так как моим воспитанием занимались люди, жившие в Российской Империи, то в школе с первого же класса я учился прилежно и старательно. Моя первая учительница Вера Ивановна это сразу заметила и высоко оценила. Все четыре года, которые я у нее учился, она ставила мне только отличные оценки. Взрослые восхищались мной и ставили меня в пример.

Быть отличником очень трудно по двум причинам. Во-первых, надо много и качественно работать. Во-вторых, другие ученики, которые учатся на тройки, недолюбливают отличников за их превосходство в учебе.

Был такой случай. Один мальчик из нашего класса по фамилии Кошкин все время задирал меня за то, что я был отличником. Однажды на перемене во дворе школы он сильно толкнул меня в спину, и я упал в грязь. Поднявшись, я хотел тоже толкнуть его, но он побежал в направлении школы. Я бросился за ним. Подбежав к дверям, Кошкин ухватился за массивную ручку, чтобы потянуть ее на себя. В этот момент я настиг его и резко толкнул в спину. Кошкин

ударился лицом об дверную ручку. Улар был довольно сильным. Он пришелся в область глаза – это место покраснело и опухло.

На другой день в школу пришла мать Кошкина – пожилая и очень бедно одетая женщина. Учительница подвела меня к ней. Женщина жалобно заплакала, показывая на покалеченное лицо сына, и сказала:

– Он ничего не видит этим глазом. Он у меня единственный слабенький ребенок. Зачем же ты его толкнул?

Я ответил:

– Но он первый толкнул меня так, что я упал.

Женщина еще сильнее заплакала, повернулась и ушла. Мне было очень жаль ее. К счастью все обошлось, и зрение у ее сына вскоре восстановилось.

Самой яркой девочкой в нашем классе в то время была Света Романова. Одна ее фамилия чего стоила. Действительно у этой девочки были некоторые манеры аристократки. Одно время в первом классе я сидел с ней. Несколько раз после занятий мы шли с ней домой вместе. Язык у нее был хорошо подвешен, и она постоянно мне что-нибудь рассказывала. Особенно мне запомнились ее рассказы о сексе. Надо признать, что все-таки девочки первыми начинают провоцировать мальчиков на сексуальные отношения. Позже в старших классах, когда я начал писать стихи, я посвятил Свете такие строки:

Я помню чудное мгновенье:

Сидела девочка со мной.

Она внушала мне забвенье,

Я провожал ее домой.

Она романтикой дышала,

Ее романтика влекла.

Отсюда может быть начало

Ее фамилия взяла.

Самыми яркими мальчиками в нашем классе были Володя Водолазов по кличке Водолаз и Володя Арефьев по кличке Орех. Я дружил с ними. Иногда всем классом мы ходили в лес на природу. Позже этим мальчикам и лесной природе я посвятил такое стихотворение (к сожалению, незаконченное):

В лесу на берегу Вороны

Горел костер, и едкий дым

Окутывал густые кроны

Туманом голубым.

Под сенью вековых деревьев

Сидели парни, Водолаз

Там хохотал, и вел Арефьев

Животрепещущий рассказ.

И я там был и улыбался

Веселой славной болтовне

И наблюдал, как растворялся

Дымок в лазурной вышине.

Бывали ль вы весенним утром

В таинственном глухом лесу?

Когда вся зелень перламутром

Блестит сквозь вешнюю росу,

И воздух невесом и чист.

В природе томное волненье,

И трепетное дуновенье

Колеблет обновленный лист.

.....

Отец Водолаза был начальником милиции, поэтому питание этого мальчика было достаточно хорошим. Соответственно, и его физическое развитие было правильным. Водолаз отличался крупным телосложением. Пользуясь этим, он постоянно старался навязать мне силовую борьбу, в которой у меня не было никакого шанса на победу. Возможно он так шутил, но мне это не нравилось.

Однажды я рассказал об этом дедушке. Он посоветовал мне дать Водолазу по морде. В очередной раз, когда Володя попытался терроризировать меня, я размахнулся и ударил его кулаком по лицу. Водолаз отскочил, покраснел и успокоился. После этого он перестал ко мне приставать. Но на меня он не обиделся, и мы продолжали с ним дружить. Этот факт убедил меня в том, что бить человека по морде за его хамское поведение является очень эффективным приемом. Позже я много раз убеждался в этом.

У мальчиков в то время была оригинальная школьная форма – гимнастерка армейского типа, подпоясанная ремнем того же типа. Необходимость ремня для солдата очевидна: на ремень вешаются штык-нож и различные подсумки. Но для чего ремень школьнику? На этот вопрос мы в первом классе получили исчерпывающий ответ. Однажды Водолаз что-то натворил, и учительница вызвала его мать в школу. Эта женщина вошла в наш класс, сорвала с Водолаза ремень и довольно жестоко отпорола его этим ремнем. Водолаз заливался слезами – единственные раз, когда я видел его плачущим.

Водолазу однажды здорово повезло в одном крайне драматичном случае. Во время сильной грозы он со своим товарищем подошел к обрывистому берегу реки Вороны. В следующий момент молния ударила его товарища прямо в голову. Водолаза отбросила на несколько метров в воду. Товарищ погиб на месте, а Водолаз чудом уцелел.

Отец Володи Арефьева (Ореха) был простым рабочим. Он участвовал в войне и имел награды. Их семья богатством не отличалась. Орех был чрезвычайно подвижным и довольно сильным мальчиком. Однажды на перемене мы играли во дворе школы. Прозвенел звонок на урок, и мы пошли на занятия. Впереди меня шел Орех. На тропинке валялся большой кирпич. Орех поднял его и, как ядро для метания, швырнул через довольно высокий забор. За забором послышался стон человека. Орех кинулся бежать, и я поспешил за ним.

Орех намного опередил меня и скрылся за школьной дверью. В этот момент я только поднимался по ступенькам, ведущим к входу. За своей спиной я услышал дикий вопль и матерную брань. Обернувшись, я увидел над забором голову мужчины. Он каким-то образом ухитрился взобраться на такую высоту. Мужчина махал мне кулаком и ругался.

Через некоторое время после того, как урок начался, дверь класса открылась и вошел тот мужчина. Носовым платком он прикрывал рану на голове. Окинув присутствующих в классе детей взглядом, этот человек без труда отыскал меня. Потом он заявил учительнице, что я пробил ему голову кирпичом. Конечно, я стал категорически отрицать это. В принципе, я мог бы сказать, кто в действительности пробил ему голову. Но я не был способен на предательство и Ореха не выдал. Так как у меня был высокий авторитет отличника, а обвинения пострадавшего были бездоказательны, то никакого наказания для меня не последовало.

Позже произошел случай, который я до сих пор вспоминаю с огромным стыдом. Я не могу простить себе тот позорный поступок, который я тогда совершил. Этот случай чем-то похож на предыдущий, только на этот раз наши роли с Орехом поменялись.

Однажды в конце весны несколько классов нашей начальной школы пошли на прогулку в лес. С нами были учителя. За день до этого Водолаз, Орех и я тайно договорились устроить на виду у всех в лесу фейерверк. Мы собирались поджечь «дымовушки» и разбросать их вокруг ребят и учителей. Для этого мы заготовили много фольги, пылающей пленки и спичек. В день прогулки весь этот материал Орех спрятал у себя за пазухой.

Придя в лес, все участники похода расположились на привал, разложив на земле захваченную из дома еду. Я попал в компанию с нашей учительницей и ребятами из параллельного класса. Среди них был тот самый мальчик, которому я когда-то чуть не выбил глаз из рогатки. Его звали Сергеем. Он был из довольно состоятельной семьи – его родители работали врачами. Когда возникла необходимость порезать хлеб, Сергей достал из кармана великолепный перочинный нож и положил его на землю рядом с едой. Я был очарован этим ножом – таких красивых вещичек я еще никогда не видел.

Перекусив, все ребята разошлись по лесу, и учительница тоже отошла куда-то в сторону. Нож остался лежать среди остатков еды. Я не удержался, поднял этот нож и, положив его в карман, постарался уйти подальше от того места.

Вскоре Сергей обнаружил пропажу ножа и сообщил об этом учителям. Происшедшее потом явилось крайней неожиданностью для меня. Учителя подняли нешуточную тревогу. Все ребята были собраны в одном месте, и им объявили, что кто-то украл нож и всех будут обыскивать.

Я с ужасом понял, что сейчас нож найдут у меня, и я страшно опозорюсь на всю школу. Я – вор! Но в следующий момент для меня наступило облегчение. Орех, опасаясь, что у него найдут материалы для «дымовушек», выскочил из толпы и побежал в лес. Безусловно, все подозрения в краже ножа пали на него. Обыск отменили. Я вышел из толпы и, стараясь быть незамеченным, подальше выбросил тот нож.

На другой день в школе началось расследование того инцидента. Все учителя требовали от Ореха признания в краже. Со слезами на глазах он отчаянно повторял:

– Я не крал нож. Не крал.

Одна из учительниц спросила:

– А почему ты тогда побежал?

Орех ответил:

– У меня была пылающая пленка. Я боялся, что у меня ее найдут.

Наша учительница спросила:

– А кто же тогда украл нож?

Орех, опустив голову, промолчал. Учительница настаивала:

– Может быть кто-то другой украл нож? Скажи.

Орех молчал.

И вдруг учительница, подойдя ко мне, подняла меня с места. Я встал, дрожа от страха за то, что меня сейчас разоблачат. Учительница спросила меня:

– Ты украл нож?

Дрожа и заикаясь, я ответил:

– Не-ет... Хотя ... я был там ... рядом...

По тому, как я себя вел, уже было видно, что именно я украл нож. Но в следующий момент учительница подняла другого мальчика и задала ему тот же вопрос:

– Ты украл нож?

Мальчик ответил отрицательно. Учительница еще долго поднимала мальчиков нашего класса с одним и тем же вопросом: «Ты украл?» Все, конечно, отрицали свою причастность к краже. А я сидел и страшно переживал все происходящее вокруг. Нож украл я, а за меня теперь страдал мой хороший друг. Я яростно клялся себе в том, что больше никогда в своей жизни не буду воровать.

В конце концов учителя решили обратиться за помощью к отцу Водолаза, который был начальником милиции. Милиция располагалась рядом со школой. Вскоре пришел отец Водолаза и забрал несчастного Ореха в милицию.

На другой день нам объявили, что в милиции Орех раскололся и признался в краже. Он заявил, что спрятал украденный нож в пленку и выбежал тогда из толпы, чтобы все это выбросить.

В классе присутствовал отец Ореха – несчастный мужчина, сына которого обвиняли в таком позорном проступке. Отца обязали купить потерпевшему новый нож. Это требование было выполнено, и о том случае вскоре забыли. Но мне этот случай запомнился на всю жизнь. Каждый раз, когда я его вспоминаю, меня мучат страшные угрызения совести. Тайну этого происшествия я хранил долгое время, и только теперь, когда почти все участники того события ушли из жизни, я решил рассказать об этом на страницах своей книги.

Сергей, у которого я украл нож, после окончания школы станет сотрудником местной службы Комитета Госбезопасности (очевидно, не без помощи своих влиятельных родителей). всю свою жизнь он будет брать взятки, пользуясь своим служебным положением. Большую часть этих денег он будет пропивать. Однажды, управляя машиной в нетрезвом состоянии, он собьет женщину и всю ночь будет таскать ее своей машиной по городу. Женщина погибнет в страшных муках, но ответственности за это Сергей не понесет. Он умрет в возрасте 50-ти лет от чрезмерного употребления алкоголя.

Моя дружба с Водолазом прервется после окончания школы. С Орехом мы еще долго будем дружить после того, как выйдем из этого учебного заведения. Когда у меня появится семья, с Орехом мы практически перестанем видеться. Он так и не сможет создать семью. В смутные времена перехода от социализма к капитализму он будет жестоко убит. Убийца так и не будет найден. Но у меня были и до сих пор остаются догадки о том, кто убил Ореха.

По соседству с домом Ореха жил парень по кличке Бублик. Он тоже учился в нашей школе, только в другом классе. Бублик был очень мерзким, наглым и агрессивным мальчиком. При его появлении у меня всегда возникало чувство тревоги и опасности: надо было готовиться защищать себя от Бублика, а это было чрезвычайно трудно – Бублик был физически очень силен. В школе Орех несколько раз дрался с ним, но убедительной победы не одержал.

Вскоре после окончания школы Бублик загремел в тюрьму. Выйдя на свободу, он стал еще более крутым хулиганом – в колонии на этом поприще он многому научился. Один раз он совершенно беспричинно напал на Ореха и долго с особой жестокостью избивал его. За это его опять упрятали за решетку – я присутствовал на том суде. Там Бублик грозил Ореху расправиться с ним после освобождения. Убийство Ореха как раз пришлось на то время, когда Бублик вышел на свободу. И я тогда был абсолютно уверен, что это убийство совершил Бублик.

В то время моим любимым занятием в свободное время была рыбалка. Места для этой рыбалки я, как правило, выбирал в окрестностях так называемого Строяновского кордона. Этот – очень далеко в глубине леса на берегу Хопра. Однажды в разговоре с рыбаками, я узнал, что на том кордоне поселился Бублик. Это была очень неприятная для меня новость. Рыбалка доставляла мне огромную радость, и теперь эта радость будет испорчена присутствием мерзкого Бублика.

Однажды, когда я рыбачил на Черном омуте (недалеко от Строяновского) я ощутил тревогу от того, что Бублик где-то рядом. Действительно, вскоре я увидел, что этот тип идет в моем направлении. Я приготовился к самому худшему, понимая, что сейчас мне придется защищать себя не на жизнь, а на смерть. С собой у меня был рыбацкий нож – необходимая принадлежность любого серьезного рыбака, чтобы при необходимости быстро обрезать леску или веревку. Я настраивал себя на то, что я должен применить этот нож. Я убеждал себя, что буду безжалостно бить этим ножом Бублика, пока не пойму, что он мертв. Только так я мог спасти свою жизнь и отомстить за гибель Ореха.

Но, вопреки моим опасениям, Бублик, подойдя ко мне, повел себя довольно дружелюбно. Он даже подсказал мне, на какое место лучше перейти, чтобы поймать больше рыбы. Вскоре он ушел, и я почувствовал несказанное облегчение.

Но тревога моя была ненапрасной. Через несколько дней после этого Бублик жестоко убил лесничего, нанеся ему огромное количество ножевых ран. Бублика опять посадили, и я потом без всяких опасений ездил на рыбалку в район Строяновского кордона.

Вернемся в школу. Закончив четвертый класс, мы все с большой радостью перешли в основной корпус нашей школы. Теперь, вместо одной учительницы, у нас было несколько учителей. На каждый предмет – свой учитель.

Вскоре от учительницы по литературе мы получили домашнее задание – написать сочинение на вольную тему. Выйдя во двор своего дома, я размышлял, о чем бы написать. Была осень. На крыше скворечника сидел скворец и, готовясь улететь в теплые края, старательно насвистывал песню. И я написал свое сочинение про осень, про то как я стоял во дворе на пронизывающем осеннем ветре, про то, как скворец жалобно пел мне свою прощальную песню, а я говорил ему: «Прощай скворушка! Пожалуйста, возвращайся будущей весной назад!»

Учительница, прочитав мое сочинение, прослезилась. Она показала его другим учителям. Все были в восторге от моего произведения. Это сочинение было направлено в Воронеж для участия в областном конкурсе школьных сочинений. Но успеха не имело.

Как и в начальной школе, в пятом классе я тоже стал получать только отличные оценки. И лишь учитель пения все время ставил мне тройки. Я пел не хуже других, и все наши учителя настойчиво просили этого идиота ставить мне пятерки. Но он был неумолим.

Теперь нам пришлось ближе познакомиться с нашей директрисой. Она была фанатичной коммунисткой. В нашем городе, как и по всей стране, каждый год 7 ноября проводилась демонстрация – в ней участвовала и наша школа. Теперь и мы должны были идти на демонстрацию.

В назначенное время ребята из нашего класса собрались в указанном для демонстрации месте. Будучи пионерами, мы были одеты в белые рубашки с красными галстуками. Так как в ноябре стояла уже морозная погода, то поверх рубашек у всех были одеты теплые куртки. Мы должны были пройти по центру города мимо памятника Ленину. К нам подошла директриса и сказала:

– В чем дело? Ленин хочет видеть ваши белые рубашки и красные галстуки. А ну-ка снять всем куртки.

Все послушно сняли куртки и передали их стоявшим неподалеку родителям. Никто из родителей не возразил против этого – все боялись оскорбить авторитет вождя, так как за это могло последовать суровое наказание. Несчастные дети страдали на морозе без верхней одежды, и их родители, безусловно, переживали за них, но ничего поделать не могли. Многие дети после этого серьезно заболели. Это было изощренным издевательством над детьми и взрослыми со стороны не совсем нормальной директрисы.

В школе была раздевалка, где мы оставляли свои куртки, пальто, головные уборы и шарфы. Не редко, придя после занятий в раздевалку, школьник не находил там что-нибудь из оставленных им вещей – в школе процветало воровство. Это было настолько болезненным явлением, что до сих пор мне часто снится, что я оставляю в раздевалке пальто, а придя за ним, не могу его найти – а я все ищу и ищу его, бродя по раздевалке. Счастливики находят свои пальто и спокойно уходят домой, а я мучаюсь от того, что не могу этого сделать.

Наверно очень трудно представить себе, что подобного рода воровство имело место в дореволюционных гимназиях. А в советских учебных заведениях это было обычным явлением – даже в техникумах.

Кстати о техникумах. Рядом с нашей школой располагался сельхозтехникум. Его здание было построено большевиками на месте разрушенного ими храма. Уже после краха социализма мне удалось увидеть фотографию того храма – изумительное по красоте здание. Построенное большевиками уродище ни в какое сравнение с ним не идет.

В нашей школе был буфет, где на большой перемене можно было перекусить, купив стакан прокисшего молока и грязный, черствый коржик – все это привозилось в школу на грязной

телеге, запряженной грязной, тощей лошастью. Многим ребятам это не нравилось. Каким-то образом Водолаз пронюхал, что в сельхозтехникуме есть столовая, где кормят немного лучше. И на большой перемене мы с ним стали бегать туда. Там мы покупали прекрасное, как мне тогда казалось, блюдо – две маленькие котлетки с картофельным пюре.

Во время одного из посещений той столовой я наблюдал интересную сцену. Трое студентов техникума родом из города подошли к студенту родом из деревни и попытались его избить. Но этот парень двумя короткими, но резкими, ударами нокаутировал двоих противников, а третий убежал с криком:

– Мы еще с тобой встретимся!

Вообще в городе между местными ребятами и приезжими из деревни существовала непримиримая вражда. Деревенских парней называли «коблами» и часто били их. Кобы, естественно, отвечали городским тем же.

Кроме того, в городе существовала также непримиримая вражда между разными его районами. Борисоглебск был основан в 18-ом веке как пограничная крепость. Он состоял из двух слобод – Солдатской, где жили солдаты, и Станичной, где жили казаки. Эти слободы сохранились до советского времени, и к ним добавились еще три новые – Центр (центр города), Кавказ (район, прилегающий к центру города) и Ворово (район, где жили цыгане). Вечерами молодые ребята из какой-нибудь слободы собирались в огромную шайку и шли в другую слободу, где они жестоко избивали всех, кто попадался под руку. Милиция была бессильна бороться с этим. Ходили слухи, что Борисоглебск по уровню хулиганства занимает второе место в СССР после Ростова-на-Дону.

После смерти бабушки в моей жизни произошли крутые перемены. Это сильно отразилось на моем характере. Все эти изменения во мне были сразу замечены окружающими людьми. Многие говорили мне:

– Что с тобой случилось? Ты стал каким-то другим. Ты стал намного хуже. Какая-то чернота так и прет из тебя.

И учителя перестали ставить мне пятерки. Основной моей оценкой до конца школы стала тройка. С одной стороны, это было положительным фактором – моя жизнь стала легче и беззаботней.

Наша школа считалась лучшей в городе. В ней училось много детей, родители которых были представителями советской элиты – различные начальники и партийные боссы. Но в каждом классе (начиная с пятого) было 5-6 учеников противоположной категории – детдомовцы. Они были одеты в грязное тряпье, издавали неприятный запах и отличались плохим поведением. Насильственное совмещение в одном классе детей различных социальных категорий, являлось очередным преступлением Советской власти. Это было откровенным надругательством как над городскими, так и над детдомовскими ребятами.

Все ненавидели детдомовцев и избегали контактов с ними. Все, кроме меня. Я подружился с ними, старался быть с ними ласковым и заботливым. Изредка я приводил их домой. Мать кормила их и давала им мелочь на мороженное. Эти ребята отвечали мне если не любовью, то некоторым уважением. Детдомовцы часто воровали у городских ребят разные вещи. У меня украли только один раз, но на другой день, узнав, что это моя вещь, немедленно вернули.

Детдомовцы научили меня бесплатно проходить в городской кинотеатр «Победа». Благодаря этому я в тот период посмотрел много хороших фильмов, в том числе и фильмы для взрослых.

Происходило это так. Мы заходили во двор жилого дома, который соседствовал с кинотеатром. Перелазили через забор и оказывались во дворе кинотеатра. Существовало несколько способов, чтобы попасть внутрь кинотеатра. В начале мы делали это через служебную дверь, расположенную в фойе. Как правило она не замыкалась. Но однажды служащие кинотеатра нас поймали на этом, и дверь стала замыкаться.

Потом мы стали проникать в кинотеатр в тот момент, когда после окончания сеанса открывались выходные двери, и народ начинал валить на улицу. Беспрепятственно проникнув внутрь, мы сразу же заходили в туалет. В подходящий момент мы выходили из него в фойе.

Самый наглый способ заключался в том, что мы заходили в кинотеатр непосредственно через будку киномеханика. Во дворе была лестница, ведущая в эту будку. Мы поднимались по ней и украдкой пробирались за спиной киномеханика к другой лестнице, которая вела в фойе.

Таким образом, со всеми детдомовцами у меня сложились прекрасные отношения, что давало мне некоторые преимущества перед остальными городскими детьми. Я этим пользовался с нескрываемым удовлетворением.

Но однажды в отношении с одним детдомовцем у меня возникла серьезная проблема. Случилось так, что в детдом перевели из детской колонии воспитанника по фамилии Леонов. В колонии он сидел за убийство. Действительно, это был настоящий зверь. Только один вид его лица внушал окружающим страх перед ним – даже сами детдомовцы его боялись. Его определили учеником в наш класс, хотя он был на много старше нас.

Он сразу начал избивать всех в подряд, кто попадался ему под руку. Бил в лицо, живот и другие места. Удары наносил руками и ногами. Жертвами его выходок были как мальчики, так и девочки. Учителя знали об этом, но страх перед ним был настолько силен, что они не пытались предпринимать что-либо против него.

Один раз я увидел, как он с силой ударил кулаком в живот мою подружку детства Свету Романову. От боли Света опустилась на колени и зарыдала. Несколько раз он хамил и в отношении меня. Но я не решался дать ему сдачи. Тем не менее, ненависть к этому типу у меня росла с каждым днем.

Однажды прозвенел звонок на урок, и мы, как принято, встали у своих парт в ожидании учителя. Вошел Леонов и, проходя мимо меня, сильно толкнул меня руками. На этот раз я все-таки решил драться с ним. Развернувшись, я ударил его по лицу. От неожиданности Леонов оцепенел и как-то неуверенно ударил меня. В этот момент я почувствовал уверенность в себе и начал избивать его, нанося удары правой и левой рукой по его ненавистному лицу. В классе было много мальчиков, которых он обидел, но не один из них не присоединился ко мне – настолько непреодолим был их животный страх. Вошла учительница и, увидев, что я бью Леонова, удалила меня из класса.

После звонка ко мне стали подходить все, кто видел эту драку – как городские, так и детдомовские мальчики. Они выражали свою восхищение мной и говорили, что стоят на моей стороне. Подошел и сам Леонов. Он с угрозой произнес:

– Я поговорю с тобой после уроков.

Конечно, я со страхом ждал этого разговора, но не убежал. После уроков я подождал Леонова на школьном дворе. Когда он вышел, я молча подошел к нему. Я ожидал от Леонова жестокой расправы за то, что я надавал ему по морде на глазах у всего класса. Но он спокойно сказал мне:

– Да, ты смелый парень. Я бы мог спокойно тебя убить, как я это делал с другими. За это я сидел в колонии. Но тебя я уважаю. Я не больно тебя ударил?

Я ответил:

– Нет.

И мы расстались как бы друзьями. Через несколько дней на вечере в школе №2 Леонов зарезал двух парней. После этого мы его больше не видели.

Многие детдомовцы, учившихся в нашем классе, были гораздо старше нас. Они практически не учились, а просто присутствовали на уроках. Учителя старались не вызывать их к доске. Однажды учительница биологии рискнула вызвать одного такого старичка к доске и попросила его рассказать о трутнях. С серьезной физиономией он отвечал:

– Трутни ничего не делают. Они только сделают пчелу и все...

И он показал характерным жестом, как трутни «делают» пчелу. В классе поднялся хохот. Учительница покраснела и растерялась. Не зная, как реагировать на происходящее в классе, она неестественным голосом произнесла:

– Что вы смеетесь? А вы знаете, что все беременные женщины едят штукатурку со стен? Хохот в классе стал еще сильнее. Несчастливая учительница выбежала из класса.

Одно время я сидел с девочкой по имени Люба. Ее родители отнюдь не принадлежали к советской элите – они были даже не в состоянии ее одевать и обувать. Два раза какие-то сердобольные люди, узнав про это, сбрасывались и по дешевке покупали Любе пальто и ботинки.

До революции в Борисоглебском уезде проводились исследования и было установлено, что там проживало 5% бедных. После революции такие исследования не проводилось. Но, тем не менее, в советское время было много семей, в которых детей нечем было кормить – в нашей школе были случаи, когда дети падали в голодный обморок.

Наш класс был на втором этаже. Однажды на перемене я сидел на подоконнике, держа в руке стеклянную чернильницу и играя ей. Погода стояла теплая, и окно было открыто. Люба была внизу на школьном дворе. Увидев меня, она крикнула:

– Что у тебя в руке?

Я ответил:

– Чернильница.

Люба крикнула:

– Кидай ее мне!

Я кинул. Рядом с окном росла большая сосна. Чернильница попала в ветку этой сосны и изменила направление полета так, что я не увидел, куда она упала. Я только услышал звук разбитого стекла – похоже было на то, что чернильница разбилась об лоб Любы.

Почувствовав что-то недоброе, я побежал вниз и увидел – Любу вели под руки. Чернила заливали все ее лицо. Только в районе глаз были белые круги – как у негритоса. Нас привели в учительскую и стали разбираться, кто виноват. Но посмотрев на Любу, все учителя забывали о строгости и ржали как сумасшедшие. Это позволило мне избежать наказания.

Водолаз к тому времени стал ужасным весельчаком и на уроках все время смешил класс. Учился он плохо и почти никогда не знал уроков. Но однажды на литературе он, на удивление всем, наизусть рассказал одно стихотворение, в котором было сочетание слов «обнаженные скалы». Учительница сказала ему:

– Я поставлю тебе пять, но сначала скажи, как ты понимаешь выражение «обнаженные скалы»?

Конечно, это был провокационный вопрос, который серьезная учительница не имела права задавать школьнику. Ответ Водолаза прозвучал, естественно, так:

– Без трусов.

Покрывая хохот, поднявшийся в классе, учительница крикнула:

– Садись! Два!

Водолаз внимательно следил за тем, как развивались мои отношения с детдомовцами. Очевидно, из зависти ко мне, он тоже стал дружить с ними. Но не с мальчиками, а с девочками. Это вылилось в то, что одна детдомовская девочка по имени Таня в конце десятого класса забеременела от него. Она родила Водолазу сына. Отец Водолаза, начальник милиции, сделал так, что ребенка у Тани отобрали, а ее саму перевели в Воронеж. Юные влюбленные были разлучены навсегда.

Много лет спустя я был в Воронеже в командировке и встретил там Таню. Смотря на меня полными слез глазами, девушка жалобно произнесла:

– Как там Водолаз? Ведь я до сих пор люблю его.

Я сказал:

– Не знаю. Я уже давно не видел его.

Таня была близка к тому, чтобы зарыдать. Я понял, что ее надо как-то успокоить. Поэтому я сказал ей:

– Как только я вернусь в Борисоглебск, я срочно разыщу его и расскажу о тебе. Ты не против?

Таня, конечно, согласилась.

Разыскав Водолаза в Борисоглебске, я рассказал ему о встрече с Таней. Это заметно взволновало его. Поникшим, тоскливым голосом Водолаз сказал:

– Ну как она там? Ведь я ее тоже люблю – первая любовь не забывается.

Вот такая грустная история любви.

Мою же первую любовь звали Инна. Она перешла в нашу школу в девятом классе. Я в то время учился в шестом. Я сразу обратил внимание на эту красивую, черноволосую, стройную девушку – она мне понравилась. И вдруг неожиданно на перемене она подошла ко мне и ласково спросила:

– Игорь, ты на чем играешь?

Я ответил:

– На баяне.

На этом наш разговор закончился. Но я был потрясен и не мог понять, почему она проявила ко мне такой интерес. Значит, думал я, она тоже равнодушна ко мне. Значит, это любовь. И я начал любить ее. С нетерпением я ждал каждой перемены, чтобы опять увидеть Инну издалека и полюбоваться ее красотой.

Потом стали происходить какие-то невероятные совпадения. Сначала на одной из открыток к Восьмому марта я увидел девушку, как две капли воды похожую на Инну. Потом эту открытку я всегда носил с собой и часто с умилением смотрел на нее. Следующим удивительным совпадением было то, что Инна оказалась приемной дочерью моего отца.

Но увы, однажды посмотрев на Инну, я почему-то понял, что моя любовь к ней уже прошла. Вообще, любовь – это странная штука. Она приходит неожиданно и так же уходит.

Вторую мою любовь звали Люда. Она училась в нашем классе и делала серьезные успехи в спорте. У нее было красивое лицо и не менее красивая фигура. В восьмом классе в начале учебного года она подошла ко мне и сказала, что хочет сидеть со мной за одной партой, чтобы списывать у меня домашние задания. Я согласился. Но сидели мы вместе не долго – все время ссорились, и я часто уходил от нее.

Однажды, сидя за соседней партой, я посмотрел на Люду со стороны и понял, что я в нее влюбился – она мне показалась каким-то очень родным и близким человеком. Я начал рисовать ее, писать ей стихи.

Свое первое в жизни стихотворение я посвятил Люде. Оно начиналось так (продолжение стерлось в моей памяти):

Я люблю тебя Людмила

Той любовью светлой,

Что навек объединила

Ромео и Джульетту.

Много лет спустя, уже после моей службы в армии, Люда сама нашла мой дом и позвонила в дверь. Я открыл. Люда вошла, и мы сидели с ней, вспоминая школьные годы. Люда призналась, что я ей нравился, но любила она другого – мужчину, на много старше ее. Предлагала ему секс, но он отказался, очевидно из опасения, что она была еще несовершеннолетней. Потом она разделась, и я уже знал, что мне надо делать.

А в то время, в школе, мне даже и в голову не приходило делать такие грязные вещи с такой красивой девушкой. Но Люда постоянно задевала меня, подталкивая к каким-то активным действиям. Но я не знал, в чем заключались эти активные действия. В школе этому не учили. Мальчики, с которыми я общался, тоже не имели об этом ни малейшего представления.

Один раз, я, следуя велению своего сердца, совершил, как считали все девочки нашего класса, благородный поступок по отношению к Люде. Было это так. Выходя из дверей школы, Люда поскользнулась и упала, поцарапав себе коленку. Стремясь как можно быстрее помочь любимой девушке, я побежал в кабинет, где хранилась аптечка. Взяв там вату и флакон с йодом, я принес это Люде. Все были восхищены моим поступком.

Но это, конечно, не изменило в лучшую сторону ту тяжелейшую ситуацию, в которой я оказался. Я безнадежно страдал. Ужасное состояние, в котором я от этого находился, и стало причиной того, что я стал недисциплинированным мальчиком.

Учителя начали часто выгонять меня из класса. Один раз в конце восьмого класса, после очередного удаления, я вышел во двор школы. Заняться было нечем. Я подошел снизу к окнам того кабинета на втором этаже, где занимался наш класс. В этом месте к основному корпусу школы примыкала одноэтажная пристройка школьных мастерских, в которых мы занимались на уроках труда. По пожарной лестнице я взобрался на крышу мастерских, чтобы по ней подойти к тому окну, у которого сидела Люда.

Но в этот момент учитель по труду увидел меня и стал быстро забираться по лестнице на крышу. Я испугался и побежал по крыше в сторону от учителя. Поскользнувшись, я упал и стал скатываться к краю крыши. Я пытался хоть за что-то уцепиться руками. Но все было напрасно – я рухнул с довольно большой высоты на землю.

Упал я сначала на руки, а потом на грудь. Чтобы встать, я попытался опереться на руки, но это было невозможно. Форма моих рук стала какой-то неестественной – они были сломаны. В следующий момент я почувствовал, что не могу вздохнуть – моя грудная клетка от страшного удара о землю сильно сжалась, а опять разжаться не могла. Я долго мучился, задыхаясь. Но потом все-таки задышал. Вскоре мне сделали обезболивающий укол, и все происходившее вокруг стало казаться мне в каком-то сне.

В больнице на мои сломанные руки наложили гипс. Вставать и ходить я не мог. Говорить мне было трудно. В палате, куда меня определили, я только молча лежал и внимательно слушал все, о чем говорили мои соседи.

В палате лежало много бывших фронтовиков. Они разговаривали только о войне. Один бывший офицер рассказывал, как после окружения Будапешта им приказали взять его штурмом, но без артподготовки – чтобы не разрушать прекрасные здания этого города. Много раз и безуспешно наши бойцы ходили в атаку, пока гарнизон города не капитулировал сам.

Один Герой Советского Союза, бывший партизан, рассказывал, как они взяли в плен несколько немецких солдат. Забрать их с собой в лес было невозможно – еды едва хватало самим партизанам. Отпустить на свободу тоже нельзя – они вернуться к своим и опять будут убивать наших людей. Этот партизан объяснил немцам сложность ситуации, в которой они оказались. Потом, извинившись перед ними, сказал, что их расстреляют. Услышав это, один немец поседел на глазах у партизана.

Как-то в палату положили одного бывшего фронтовика, который до этого постоянно жил в доме инвалидов. Его голос мне показался каким-то чересчур писклявым. Однажды санитарка, наводя порядок в палате, выбросила из тумбочки черствую булку. Этот дядечка быстро подобрал булку с пола и нежно произнес:

– Это еще можно съесть. Нам в доме инвалидов такие не дают.

Когда опять начались разговоры о войне, он вскочил, опустил штаны и пропищал:

– Снаряд разорвался рядом, и мне оторвало мошонку.

И все увидели обрубок у него между ног.

Лежал я так довольно долго. Когда мне разрешили вставать, то пришлось заново учиться ходить. Я очень сильно ослаб физически. После того, как сняли гипс, мышцы моих рук оказались атрофированными. Я не мог удерживать в них даже легкие предметы. Раньше я умел плавать и довольно хорошо держался на воде. Но теперь из-за слабости в руках я не мог держаться

на воде и один раз чуть не утонул, попав в реку на глубокое место. Меня спасло то, что рядом находился муж тетки. Он подтолкнул меня на мелкое место. У меня появилась водобоязнь.

Люда приходила ко мне в больницу с цветами, но в палату не заходила. Она просто попросила медсестру передать эти цветы мне.

После окончания школы Люда получила высшее образование на Украине, там же вышла замуж. С мужем и красавицей дочерью она жила в Киеве. Умерла Люда рано – в 55 лет. Когда мне сказали об этом, я не поверил. Но потом ее бывший сосед по дому убедил меня в том, что это действительно так.

Дважды в возрасте четырнадцати и пятнадцати лет я ездил в Литву в гости к одной из моих многочисленных теток. Эта тетка была замужем за моряком и жила в литовском городе Клайпеда.

Во время первой поездки, сразу же на первой литовской станции, к окну вагона, где я сидел, подошел молодой литовец и, показав мне кулак, крикнул:

– Русские, убивайтесь!

Это произвело на меня неизгладимое впечатление. Я начал побаиваться литовцев.

В Клайпедке дом тетки располагался на окраине города, где рядом с домами были поля и посадки. Когда, после приезда, я первый раз вышел к воротам дома, мимо меня прошла большая группа литовских ребят. Один из них опять показал мне кулак и крикнул:

– Русский, в рожу хочешь?

Я был в ужасе, и после этого не решался переступить за пределы теткиного двора.

С другой стороны дома было футбольное поле с настоящими воротами, обтянутыми сеткой. Литовские ребята каждый день играли там в футбол – а я стоял за невысоким забором и издали наблюдал за ними. Наконец они крикнули мне:

– Эй, русский, иди сюда!

Я с опаской подошел к ним. Они поставили мяч на угол поля и попросили меня подать угловой. Разбежавшись, я ударил ногой по мячу. Вообще я плохо играл в футбол – удары по мячу у меня всегда получались слабыми, и мяч улетал недалеко. И в тот момент я был уверен, что после моего удара мяч не долетит до штрафной. Но произошло чудо – мяч не только долетел до штрафной, но еще и угодил в девятку ворот. Литовцы в восторге завопили:

– Русский! Ты играешь в команде мастеров?

Мне ничего не оставалось, как ответить на этот вопрос утвердительно. С этого момента я стал для них авторитетом, и мы подружились. Потом мы часто играли в футбол.

Однажды, мы отдыхали, лежа на траве. Один из парней сказал, обращаясь ко мне:

– Мы учим русский язык со второго класса. Вы тоже учите литовский со второго класса?

Я ответил, что литовский мы вообще не учим. Ребята были огорчены. Я несколько успокоил их тем, что попросил научить меня говорить по-литовски. Они с радостью взялись за это дело. В результате я выучил несколько литовских фраз.

Во время второй поездки в Литву мы уже жили в центре Клайпеды. С моих сломанных рук недавно сняли гипс, и играть в футбол мне было нельзя. Один раз за обедом мне налили немного марочного вина. Я выпил и серьезно захмелел. Меня потянуло на подвиги. Выйдя на улицу, я пошел к скверу, расположенному недалеко от дома. Там на скамейке сидели шикарные литовские девушки. В трезвом состоянии я бы никогда не решился подойти и заговорить с такими красавицами. Но в тот момент я был пьян, и во мне проснулось такое красноречие, которого я ранее у себя никогда не замечал.

Я сел рядом с этими девушками и стал в различных комбинациях громко повторять те немногие литовские фразы, которые на тот момент знал. Девушки были поражены моей смелостью и способностью так громко и долго говорить. Они не прогоняли меня – более того, они даже начали проявлять ко мне некоторую симпатию. А я все болтал и болтал, не имея понятия, что делать дальше с этими прекрасными созданиями.

Мои громкие и длинные речи привлекли внимание других, людей, гулявших по скверу. Среди них были местные литовские ребята, многие из которых отличались довольно крупным и крепким телосложением. Несколько раз они проходили мимо нашей скамейки, бросая на меня все более и более злобные взгляды.

Я вовремя почувствовал опасность. Извинившись перед девушками, я встал и пошел в сторону своего дома. Как раз в этот момент те разгневанные литовские парни, пополнив свои ряды еще и другими подонками, спешили к скверу с явным намерением поколотить меня. Я ускорил шаг и довольно быстро оказался у подъезда своего дома. Почувствовав себя в безопасности, я обернулся и увидел – эти идиоты махали мне деревянными дубинами и что-то яростно кричали.

На День рыбака в Клайпеде проводилось карнавальное шествие. На тротуарах центральной улицы города толпились огромные массы людей, а по проезжей части двигалась длинная вереница машин. На этих машинах развешивались различные аттракционы и представления.

Кузов одной из машин был густо обтянут колючей проволокой, а над кабиной водителя возвышался плакат с надписью: «Пьяницы, хулиганы и дебоширы». За колючей проволокой, вокруг стола, сидела группа людей. Лица этих людей были изрядно побиты. Говорили они на чистом русском языке, что выдавало их национальность. На подножке кабины стоял милиционер и громко предупреждал публику о том, что люди за колючей проволокой являются настоящими преступниками.

На столе у этих преступников стояли бутылки с водкой. Эти ребята разливали водку по стаканам и с громкими криками опорожняли их. В качестве закуски была копченая колбаса. Кто-то из публики крикнул с литовским акцентом:

– А водка у вас не настоящая!

Один из людей за решеткой тут же налил полный стакан водки и через колючую проволоку протянул его в толпу. Люди из этой толпы подтвердили, что водка настоящая.

Праздник продолжался и после того как, карнавальное шествие закончилось. Люди небольшими группами ходили по центру города взад и вперед и, как казалось, чего-то искали. Я проследил за одной группой молодых и привлекательных девушек. Они подошли к группе молодых парней, и одна из девушек обратилась к ним с вопросом:

– Можно с вами познакомиться?

Парень, стоявший ближе всех к девушкам, с пренебрежением ответил:

– С нами не надо знакомиться.

Расстроенные девушки повернулись и ушли. А я потом долго пытался понять, почему же эти парни отвергли таких милых девушек. Но так и не понял.

На следующий день на Балтийском море вблизи побережья Клайпеды проводились соревнования на байдарках среди школьников. В этих соревнованиях принимал участие сын нашего соседа. В тот день я проснулся рано, так как был разбужен громким разговором на улице. Я прислушался. Сосед давал напутствия своему сыну перед соревнованиями. Говорил он по-литовски. Но через каждые две-три фразы на литовском звучала фраза на русском: «Победит сильнейший!» Я с удовлетворением отметил, что литовцам нравятся наши крылатые выражения.

Один раз все мы, гостившие тогда в Клайпеде, пошли загорать на море и по ошибке попали на дикий женский пляж, где все женщины были без купальников. Вскоре нас оттуда выгнали, сославшись на то, что мужчинам там находиться нельзя. Очень долго мы обходили этот пляж лесной дорогой. Бросалось в глаза то, что вдоль этой дороги в кустах и на деревьях сидели мужчины с биноклями и рассматривали обнаженных женщин.

Мы расположились недалеко от того места, где заканчивался женский пляж – там стояла специальная табличка. Купаться в море было невозможно – вода очень холодная. Поэтому мы просто лежали на песке и загорали. Изредка я бросал в сторону женского пляжа любопытные

взгляды. Вскоре, вплотную к тому пляжу, подошел один мужчина в берете. Он разделся до гола, тем не менее оставив на голове берет. Потом он украдкой, прячась за складками местности, проник на запретную территорию. Там он, скрываясь за кустами, стал с близкого расстояния рассматривать лежавших на песке женщин. Вскоре он был обнаружен женщинами, и они здорово поколотили его деревянными палками.

В Борисоглебск я вернулся с массой впечатлений, и с удовольствием делился ими со всеми сверстниками.

В школе одно время я играл в духовом оркестре на кларнете. Водолаз играл на баритоне. У Ореха не было музыкальных способностей, поэтому он играл на тарелках. Из-за проблем с финансированием оркестр был распущен. Водолазу участие в оркестре потом пригодилось. После призыва в армию он сразу попал в военный оркестр, где, конечно, служить было намного легче, чем в боевых частях. В армии я не решился заявить о том, что я играю на кларнете. Поэтому все два года службы я находился в боевых частях, чем и горжусь.

Нашему учителю рисования почему-то нравилось, как я рисую. В школе били ребята, рисовавшие намного лучше меня – их рисунки вызывали мое восхищение. Тем не менее, с подачи этого учителя мне пришлось два года подряд на День защиты детей участвовать в городском конкурсе «Дети рисуют на асфальте».

Я очень серьезно подошел к своему участию в первом конкурсе. Я долго думал, что нарисовать и, в конце концов, решил, что в День защиты детей надо рисовать то, как люди защищают детей. У меня родилась идея нарисовать картину, на которой наш солдат в Берлине во время войны спасает немецкую девочку. Конечно, это была безумно трудная задача. Я собирался изобразить на асфальте руины Берлина, убитую немецкую женщину, рядом с ней ее плачущую дочь и нашего солдата, протягивающего руку, чтобы спасти ее. Сначала я все это изобразил на большом листе бумаги, тщательно прорисовав детали лиц, складки одежды и т.д. Получилось вроде бы неплохо.

Конкурс проходил на центральной городской площади. Когда я начал рисовать, то понял, что делать это на асфальте гораздо сложнее, чем на бумаге. Тем не менее, я, приложив некоторые усилия, справился с этой задачей. Рисунок я подписал: «Берлин 45-ого».

На площади было много зевак. Они ходили между участниками конкурса, сравнивая и оценивая их рисунки. У моего рисунка многие останавливались и говорили:

– У этого лучше всех.

Я с нетерпением ожидал решения жури, предвкушая свою победу. Но, к моему великому сожалению, победил рисунок другого мальчика. Этот мальчик изобразил примитивный дом, над ним примитивный кран и подписал: «Химмаш строится». В тот момент я понял, что красота в этом мире не ценится.

На следующий год я подошел к участию в конкурсе не очень серьезно. В одном иллюстрированном журнале я нашел статью под названием «Москва белокаменная». В статье было красивое фото проспекта Калинина в Москве. Я решил срисовать это фото на асфальт, так же подписав «Москва белокаменная».

На конкурс я принес тот журнал, развернул его на асфальте и приступил к реализации своего замысла. Вскоре это было замечено членами жури, и меня сняли с конкурса – такой способ рисования был запрещен.

Среди школьников в городе регулярно проводились олимпиады по различным школьным предметам. Моя учительница по математике решила направить меня на математическую олимпиаду. Но учитель физики отобрал меня у математички и направил на свою олимпиаду. Там я с треском провалился. Вскоре меня все же послали на математическую олимпиаду. Там у меня был неслыханный успех – я решил одну задачу из пяти, при том, что остальные участники не решили ни одной. Таким образом, я занял первое место. Меня наградили грамотой, обо мне написали в городской газете и сообщали по местному радио. Слава подействовала

на меня как наркотик – я стал зависим от математики. С яростью фанатика я самостоятельно ударился в ее углубленное изучение. Дошел до дифференциалов и интегралов, но, признаться честно, в то время я их не понимал.

Однажды, разочаровавшись в любви, но страстно увлеченный математическими науками, я написал:

Любовь – это плод фантазии,
Увы, не запретный плод.
Любовь – это безобразие,
Развращающее народ.
А я люблю кибернетику –
Науку управлять.
А я люблю арифметику,
А я люблю считать.
А я презираю мистика,
А я ненавижу ханжу.
Я мантиссу и характеристику
Ко всему, что есть, нахожу.
Но жизни растет прогрессия,
Все ближе конечный член.
И вся тут моя поэзия
От единицы до «n».

Потом в городе появился аспирант Московского физико-технического института по имени Сергей. Он был родом из Борисоглебска и, вероятно, из бедной семьи. Сергей проводил в городе физико-математическую олимпиаду своего вуза. Получилось так, что в этой олимпиаде победил я и мой одноклассник Толя Гаврик. Нас наградили классными призами – фотографией космонавта Елисеева с его автографом и научной книгой с автографами ее авторов.

Гаврик как бы стал моим соперником. Он был из очень бедной семьи. Его отца за пьянку выселили из города. Мать его работала продавцом и зарабатывала очень мало. Гаврик жил с матерью и сестрой на нашей улице. Его убогое жилище располагалось во дворе бывшего купеческого дома в помещении, которое у купца было сараем. Я как-то заходил туда. Там была печь, стол, кровать и стул, и между ними почти не было никакого пространства.

Сергей стал всячески помогать Гаврику и готовить его к поступлению в физтех. При этом он абсолютно игнорировал меня и мои способности. Я относился к этому спокойно.

Вдвоем с Гавриком мы постоянно участвовали в городских математических олимпиадах. Сначала он мне проигрывал. В десятом классе мы разделили с ним первое место по городу, и нас послали на областную олимпиаду в Воронеж. Там я потерпел досадную неудачу – решил только две задачи из пяти. Гаврик решил все задачи. Однако воронежские заправила присудили ему только второе место, протащив на первое школьника из своего города. Гаврик рассказал мне, как он решил те задачи, с которыми я не справился. Я был восхищен простотой и гениальностью его решений. Он уже тогда был прекрасно подготовлен к поступлению в институт (очевидно, благодаря Сергею).

Успехи на олимпиадах вскружили Гаврику голову. Он стал высокомерным и часто повторял, что скоро все самые красивые девушки нашего класса будут принадлежать ему.

Как-то, выпросив у матери 1 рубль 28 копеек, я купил в киоске учебник для высших технических учебных заведений «Теория вероятностей», написанный Е.С. Вентцель. Открыв его тогда, я, конечно, ничего в нем не понял. Но пройдет много лет, и я буду часто обращаться к нему при подготовке своих работ по математической статистике.

Мое увлечение математикой отрицательно сказывалось на моем знании других предметов. Преподававшие их учителя с натягом ставили мне тройки, которые, честно говоря, я не заслуживал.

Однажды учительница литературы попросила нас написать классное сочинение на тему: «Лирика Пушкина». Написав пару нескладных предложений в начале своего сочинения, я надолго задумался, не зная, что писать дальше. Время урока пролетело незаметно, а мое сочинение так и осталось незаконченным. Буквально за 3 минуты до звонка я в конце сочинения написал следующие строки, адресованные учительнице:

Сейчас звонок уж прозвенит,
Но ваша алчная суровость
Меня, признаться, не страшит.
Чиста моя поскольку совесть
Пред Пушкиным. И мне простит
Он неоконченную повесть
О лирике его...

За это «сочинение» я неожиданно получил четверку.

Приближалось окончание школы. По старой школьной традиции мы, ученики десятых классов, должны были на прощальном вечере поставить сцену комического бокса. Действующими лицами этой сцены были: худой боксер с тренером, толстый боксер с тренером и судья. Я исполнял роль тренера толстого боксера по имени Билл, мой друг и одноклассник Володя Суязов был тренером худого боксера по имени Майк. Остальные роли были распределены между учениками параллельного класса.

На Суязова надели шорты и длинный женский парик. Я был в тельняшке и бескозырке. Когда представление началось, весь зал замер в ожидании захватывающего зрелища. Мы с Суязовым вышли на сцену, и все у нас пошло как по маслу. Я начал кричать, что мой громила Билл легко побьет его доходягу Майка. А Суязов кричал, что его Майк уделает моего Билла. В конце концов, мы договорились провести бой между нашими воспитанниками.

И вот бой начался. Публика бесновалась, свистела и кричала. Как и следовало ожидать, мой Билл непринужденно упер свою руку в лоб Майка, и тот стал отчаянно махать руками, не в силах дотянуться до Билла. Но потом Майк все-таки ухитрился дать Биллу пинка. Разгневанный Билл стал гоняться по рингу за Майком, пытаясь со всего размаха ударить его по лицу. Майк приседал, и все удары Билла пролетали мимо. Наконец, в очередной раз промахнувшись по Майку, Билл попал по судье, и тот упал. По сценарию мы с Суязовым должны были наклониться к судье и спрятанным в том месте тампоном нарисовать ему синяк под глазом. Но девушка, которая должна была подготовить и положить это тампон, перестаралась, и он получился слишком большим. В результате, вместо синяка под одним глазом, у судьи все лицо оказалось сплошным синяком. Когда мы подняли судью с пола и показали залу, публика была в истерике.

В таком духе продолжался весь бой. В его концовке, согласно сценарию, Майк входит в экстаз и вырубает всех участников представления. Предварительно мы договорились с актером, игравшим Майка, что он будет только обозначать свои удары. Но в реальности все пошло несколько по-другому – Майк стал по-настоящему и безжалостно избивать нас. Он был худощавый, но довольно жилистый парень. Первым от этого придурка пострадал мой Билл – Майк до крови разбил ему губу. Билл, забыв, что он на сцене, обиженно пробормотал:

– Ты что, дурак?

Но следующим ударом Майк сбил его с ног. Вторым Майк нокаутировал судью, и тот, неудачно упав на пол, стал отползать в угол сцены. Суязов пытался остановить своего воспитанника, но получив точный удар, упал. Поднявшись, он хотел что-то сказать. Но в следующий момент он получил такой страшный апперкот, что его парик улетел в зрительный зал. Избитый

и обиженный, Суязов ушел за кулисы. Последним Майк должен был вырубить меня. Видя, что этот идиот по-настоящему бьет людей, я приготовился хоть как-то смягчить его удар. Когда Майк размахнулся, я уже сделал некоторое движение от него в сторону зала. Получив удар в челюсть, я еще быстрее продолжил это движение. В результате я вылетел со сцены и врезался в первые ряды зрителей. Публика была в восторге. Сцена прошла с огромным успехом.

V

По окончании школы в 1971 году я с группой ребят из Борисоглебска поехал поступать в Московский физико-технический институт. Гаврик, естественно, тоже был с нами. Вступительные экзамены там проводились не в августе, как в других вузах, а в июле – чтобы в случае неудачи абитуриент мог в августе подать документы в другой вуз.

Нас разместили в одной из комнат институтского общежития. Сергей иногда заходил к нам и что-нибудь рассказывал. Однажды он сообщил, что ракета, предназначенная для доставки наших космонавтов на Луну, не выдерживает вибраций. Поэтому получена команда срочно копировать американскую ракету.

Студенты, жившие в нашей комнате, отсутствовали по причине летних каникул. Но в комнате оставались некоторые их вещи и документы. Однажды, когда я перекладывал стопку каких-то бумаг, из нее выпала фотография. На ней я с изумлением узнал себя. В начале я подумал, что это – просто похожий на меня парень. Но сомнения отпали, когда я за его спиной рассмотрел центральную улицу Борисоглебска. Это точно был я. В тот момент я подумал, что это – знак свыше. Значит я поступлю в вуз, и у меня будет прекрасное будущее.

Но я ошибался. Сергей со своими коллегами по институту уже заранее решил, что из всех нас туда примут только Гаврика. Поэтому на устном экзамене по физике один из этих коллег успешно завалил всех остальных ребят, включая и меня – для опытного преподавателя это не составляло никакого труда. К тому же у этого преподавателя была на редкость подходящая фамилия – Козел.

Все мы, потерпевшие неудачу в МФТИ, решили подавать документы в Московский авиационный институт. Сначала надо было пройти медицинскую комиссию. Раздетые по пояс, мы ожидали осмотра в очереди. Передо мной стоял очень худой мальчик с черными кудрявыми волосами (после я понял, что это был еврей). К нему подошла женщина в белом халате и сказала:

– Вам нельзя учиться в нашем институте.

Мальчик оделся и ушел.

Я долго решал, на какой факультет подавать документы. На всех факультетах были огромные очереди желающих поступить. И только на одном факультете не было очереди. Но там стояла в траурной рамке фотография космонавта Вячеслава Волкова, который когда-то учился на этом факультете. За несколько недель перед этим он в составе космического экипажа трагически погиб при возвращении из космоса на землю. У факультета было довольно загадочное название: «Факультет установок» (Фауст). И только значительно позже я узнал, что это был Факультет вооружения самолетов. Среди абитуриентов он не пользовался популярностью. Не взирая на это, я подал документы на этот факультет.

Первым вступительным экзаменом было сочинение. Из предлагаемых тем я выбрал «Герои-комсомольцы». Сочинение у меня получилось короткое. Я просто написал о гибели космонавта Волкова, подчеркнув, что он был в свое время комсомольцем. В результате мое сочинение имело успех. Когда нам оглашали оценки, у всех были тройки, а у меня четверка. Я почувствовал некоторую уверенность в себе.

Следующим экзаменом была письменная физика. На все вопросы в билете я ответил не очень убедительно. Поэтому я ожидал оценку не выше тройки. Но мне поставили пятерку. Мой восторг был неопишным.

Я был уверен, что на письменном экзамене по математике я получу пятерку, но получил четверку. Но и это вполне устроило меня.

Последним экзаменом была письменная геометрия. Я абсолютно ее не боялся, рассчитывая получить тоже не ниже четверки. Но произошло нечто ужасное – я не решил ни одной задачи. Это было для меня страшным шоком. Я уже готовился возвращаться домой неудачником и даже не пошел узнавать своей оценки. Но парни, жившие со мной в комнате общежития, заставили меня сходить и узнать. Мне страшно повезло – объявленная оценка была тройкой.

Таким образом я стал студентом МАИ. Я долго потом думал над тем, почему мне поставили тройку. Возможно те задачи по геометрии не имели решения. И все это было хитростью приемной комиссии, чтобы отсеять неугодных абитуриентов.

Вскоре выяснилось, что у факультета, куда я поступил, не было мест в общежитии. Только некоторым студентам пятого курса иногда предоставляли места в общежитии другого факультета. В деканате мне дали адрес в подмосковной Опалихе, где можно было снять квартиру. Я поехал туда и поселился в доме у одной бабушки. Этот дом представлял собой большой особняк. Бабушка получила его в подарок от Сталина за какие-то заслуги.

Учеба началась. Конечно, в начале я испытывал огромные трудности. Каждый день в институте было много лекций и других занятий, которые надо было обязательно посещать и вести конспект.

Среди студентов МАИ преобладали москвичи. Это были рослые, хорошо упитанные молодые люди с правильным физическим развитием. Мы, провинциалы, в этом сильно уступали им. Все это объяснялось тем, что, пользуясь преимуществами централизованной плановой экономики, Москва отбирала для себя у провинциальных городов все лучшие продукты питания и другие товары. У нас в Борисоглебске был большой мясокомбинат, но его продукции в городе мы не видели – вся она отправлялась в Москву.

Много лет спустя в 2010-ом году я приезжал в Москву. Страна уже 18 лет жила при капитализме. Пройдя по магазинам Москвы, я с удовлетворением отметил, что по изобилию продуктов и товаров столица не превосходит наш провинциальный Борисоглебск. К тому же было заметно, что торговая сеть в Москве развита хуже, чем в нашем городе. Свободная рыночная экономика оказалась на много справедливее плановой. Позже я пришел к выводу, что в цивилизованных странах люди, находящиеся у власти, должны все делать так, чтобы столичные города были красивыми, а провинциальные – сказочно красивыми.

Так как в стране многие десятилетия царствовала плановая экономика, то появился особый класс людей – москвичи. Парадоксально, но большевики, провозгласив построение бесклассового общества, опять разделили людей на враждующие классы – москвичей и немосквичей. Это убедительно доказывает абсурдность идеи бесклассового общества.

Так как москвичи были господствующим классом, то, соответственно, по отношению к провинциалам они вели себя как господа. Провинциала по сравнению с москвичом было очень легко узнать. Поэтому, даже увидев меня впервые, москвичи часто спрашивали с издевкой: «Ты из какой деревни?»

Не удивительно, что от этого у меня вскоре появился комплекс неполноценности. На уроках в школе родного города я мог легко и долго говорить без подготовки на любую тему. В Москве на практических занятиях по разным предметам я тоже пытался так говорить. Аудитория, в которой я выступал, в основном состояла из москвичей. Это обстоятельство угнетающе действовало на меня. Поэтому, произнеся несколько фраз, я быстро терялся, начинал заикаться и в итоге позорно замолкал.

Я сильно страдал от этого. Но поделать с этим ничего не мог. Мне оставалось только смириться со своим новым статусом человека второго сорта, у которого интеллект «ниже табуретки».

Каждый день из Опалихи в Москву и обратно я ездил на электричке. Это было довольно удобно. Станция в Опалихе находилась рядом с нашим домом. А в Москве электричка останавливалась недалеко от проходной МАИ.

На квартире вместе со мной жили еще четыре первокурсника МАИ. Мы располагались в двух комнатах, устроенных в чердачном пространстве. Потолком нам служила крыша.

Мои соседи приехали в Москву из разных городов страны. Они происходили из состоятельных семей. Один парень из Грузии был несколько постарше нас. На вид он был спокойным и рассудительным человеком, но южная кровь в нем иногда играла.

Все мы пользовались одним чайником. Однажды взяв этот чайник, чтобы налить себе кипятку, я неожиданно получил от этого грузина удар в челюсть. Мне ничего не оставалось, как нанести ему ответный удар. Потом, обменявшись еще несколькими ударами, мы, как ни в чем не бывало, мирно разошлись. Обиды друг на друга не держали и остались друзьями.

Один мой сосед, родом из Обнинска, очень богато одевался. Его отец был каким-то крупным начальником на атомной электростанции того города. Особенно шикарными у этого парня были ковбойские сапоги. Приходя на квартиру, он всегда оставлял их за дверью нашей комнаты. Однажды, уже поздней осенью, я проснулся ночью. Туалет располагался далеко во дворе дома. На улице был проливной дождь, и мне не хотелось выходить из помещения. Недолго думая, я использовал в качестве туалета сапоги этого парня. Утром, собираясь в институт и одевая сапоги, он бормотал:

– Крыша подтекает. В сапоги накапало.

Вскоре у нашей хозяйки поселилась одна очень красивая женщина лет тридцати. С ее слов она была литовка. Обрадованный, что я могу похвастать своим знанием литовского языка, я обратился к ней на литовском. Но она почему-то не стала говорить со мной на своем родном языке.

Мне иногда приходилось видеть, как эта женщина занимала деньги у моих соседей. Но я не придавал этому никакого значения – у меня она вообще ничего не занимала. Через несколько месяцев женщина бесследно исчезла. Мои соседи подняли тревогу – сумма, которую она у них заняла, оказалась огромной. Найти женщину и вернуть деньги не удалось.

Учеба в институте шла своим чередом. Мне очень нравились лекции по высшей математике, которые читал профессор Смирнов. Я с большим удовольствием посещал эти лекции. Лекции других преподавателей мне откровенно не нравились.

Практические занятия по Истории КПСС у нас вел один преподаватель, который был участником войны и дошел до Берлина. На самом первом занятии он почему-то поднял меня и попросил что-то рассказать из истории КПСС. Если бы это случилось в моем родном Борисоглебске, я бы мог успешно и не менее часа говорить об этой истории. И, действительно, начал я довольно бодро и красноречиво. Но потом я вспомнил, что нахожусь в Москве. Меня опять охватил комплекс неполноценности. Речь моя стала неуверенной, и в итоге я со стыдом замолчал. Указывая на меня, преподаватель сказал:

– Обратите внимание на этого студента. Он очень смелый парень.

На последующих занятиях тема Истории КПСС этим преподавателем уже больше не поднималась. Его стихией стали рассказы о войне.

Мне запомнился один его рассказ. На войне он был знаком с человеком, у которого немцы расстреляли всю семью. Этот человек поставил себе цель убить 100 немцев, чтобы отомстить за смерть своих близких людей. Всякий раз, когда вели пленных немцев, он хватался за оружие, чтобы открыть по ним огонь. Все его товарищи в этот момент бросались к нему,

чтобы остановить бессмысленное убийство. Иногда они не успевали. Перед концом войны его счет уже перевалил за 70.

Приближалось к концу первое полугодие моего обучения в МАИ. Мне предстояло сдать первую в своей жизни сессию. Оказалось, что успеваемость студентов оценивалась иначе, чем школьников. Вместо оценки 2 в зачетной книжке студента (зачетке) преподаватель писал «неудовлетворительно», вместо оценки 3 – «удовлетворительно», вместо оценки 4 – «хорошо», вместо оценки 5 – «отлично».

Чтобы пораньше уехать домой на зимние каникулы, я сдал досрочно два из пяти экзаменов сессии. Первым экзаменом была начертательная геометрия. Я пришел сдавать на кафедру, но преподаватель был чем-то занят. Я долго ждал его в коридоре. Наконец он освободился, но все равно куда-то спешил. Он быстро набросал мне на бумаге эскиз задачи, и я задумался над ее решением. К своему стыду, решение это я так и не нашел. Я сказал об этом преподавателю, и повернулся, чтобы уйти. Он попросил мою зачетку и что-то написал в ней. Вернув мне зачетку, он поспешно ушел. Открыв ее, я увидел оценку «отлично». Позже я узнал, что это был очень строгий преподаватель – он никому не ставил «отлично».

Вторым досрочным экзаменом была физика. Лекции по этому предмету читала нам женщина. Мне она не нравилась, так как у нее это получалось плохо – она все время сбивалась, заикалась и краснела. На экзамене я ответил ей на все вопросы билета и еще на несколько дополнительных вопросов. Женщина сказала мне:

– Физику вы знаете, только язык у вас плохо подвешен.

Она поставила мне в зачетку «хорошо». Итак, начало было удачным. Еще два экзамена сессии я тоже сдал на «хорошо». Последним предметом была История КПСС. На все вопросы билета я ответил, но преподаватель почему-то поставил мне только «удовлетворительно». В целом сессию я сдал успешно и с большой радостью уехал на родину отдыхать.

В Борисоглебске ко мне в гости приходил отец. Он очень гордился тем, что я был студентом МАИ. В связи с этим он принес с собой бутылку коньяка. Мы с ним ее распили, после чего я, естественно, вырубился – опыта употребления спиртных напитков в таких дозах у меня не было.

Одна девушка из нашего бывшего класса организовала у себя дома вечеринку, на которую пришли некоторые наши одноклассники и одноклассницы. Среди них была и моя любовь – Чурикова Люда. Мы пили вино и от души веселились. В конце мы расселись на полу, образовав круг, и по очереди крутили бутылку. Потом целовались с теми, на кого бутылка указывала. В тот день я впервые в своей жизни целовался с девушками. Особое волнение я испытывал, когда целовался с Людой.

Вернувшись в Москву, я зашел в деканат и попросил предоставить мне место в общежитии. В тот момент там как раз освободилось место, так как одного студента отчислили из вуза. Приняв во внимание тот факт, что сессию я сдал хорошо, мне предоставили это место в общежитии.

Я с грустью покинул своих товарищей по квартире в Опалихе. Им предстояло еще долго жить там. Через год у них появились клопы и вши. Но, в конце концов, на старших курсах они все-таки перебрались в общежитие.

Согласно старым традициям МАИ, у студента на каждом курсе было особое прозвище. На первом курсе – «козерог», на втором – «оберкозерог», на третьем – «студент», на четвертом – «женатик», на пятом – «отец», на шестом – «дипломник».

В комнате общежития, куда я поселился, жили еще три студента: Витя Елисеев, Володя Павлюченко и Сашка. Был еще и четвертый студент – Олег Трушкин. Но он жил в общежитии нелегально – спал на полу или в какой-нибудь другой комнате на свободном месте. Елисеев, Павлюченко и Трушкин были «женатиками», а Сашка – «студентом». Я, соответственно, был «козерогом», то есть самым молодым.

Мне сразу же не понравился Трушкин – он показался мне каким-то высокомерным и наглым. Но позже оказалось, что он довольно неплохой парень. Первым делом мои новые соседи по комнате рассказали, что на моем месте жил «оберкозерог», которого студенческий оперативный отряд поймал с обнаженной женщиной на лестнице, ведущей на чердак. Этого парня сразу же исключили из вуза. Такую же судьбу они предсказывали и мне. Я не верил, но, к сожалению, последующие события показали, что они были правы.

Когда я пожил с этими парнями несколько дней, мне бросилось в глаза то, что все их разговоры были только о сексе. Елисеев и Трушкин уже имели некоторый опыт сексуальных отношений, поэтому они считали себя мужчинами. Сашка и Павлюченко такого опыта не имели – соответственно, они были мальчиками. Парни, бывшие мужчинами, постоянно и в мельчайших подробностях рассказывали о том, как они занимались любовью с женщинами. Эти парни гордились своим статусом мужчин. Они настойчиво убеждали мальчиков перейти в этот статус. Сашка и Павлюченко все время старались это сделать, но у них ничего не получалось. У Павлюченко была еще одна страсть – он играл в шахматы на деньги.

Отец Трушкина занимал какой-то высокий пост в администрации города Норильска. Папаша часто присылал Трушкину посылки с икрой, сервелатом, печенью трески и другими деликатесами. У Трушкина был мощный магнитофон, на котором он день и ночь крутил песни из репертуара ансамбля Битлз. Особенно мне в память врезались «Let It Be» и «Hey Jude». Так же до сих пор вспоминаю песни «My Sweet Lord» Хариссона и «Imagine» Леннона.

Почти каждую ночь напролет «женатики» играли в преферанс, выпивая при этом десятки бутылок пива (иногда были водка и вино). В течение короткого времени старшекурсники воспитали из меня хорошего работника – я стал постоянно выполнять для них какие-нибудь работы. Чаще всего мне приходилось бегать в магазин за пивом, получая за работу несколько бутылок этого напитка. К тому же на мне лежала обязанность делать в комнате уборку.

Контроль на проходной общежития полностью отсутствовал. Поэтому в общежитие проникало большое количество посторонних людей. Как правило это были жители Москвы – любители азартных игр и спиртных напитков. Такие люди часто заходили в нашу комнату в гости к старшекурсникам. Среди них был бывший летчик, воевавший во Вьетнаме. Там его подбили американцы, и он горел в самолете. От пережитого в тот момент ужаса мужчина сильно заикался.

Он рассказывал, как нашим специалистам удалось овладеть секретной американской ракетой «Sidewinder», которая была первой в мире эффективной управляемой ракетой класса «воздух—воздух». Американский «Фантом» прижал наш истребитель к земле и выпустил в него эту ракету. Каким-то чудом наш летчик увернулся от нее. Ракета вонзилась в землю, но не разорвалась. Ракету выкопали и передали специалистам. Они разобрались в ее конструкции и организовали выпуск этой ракеты на наших оборонных заводах.

Обстановка, в которой я оказался в общежитии, совершенно не располагала к учебе. Она неотвратимо толкала меня к пьянству, разврату и нравственной деградации. Безусловно, я пытался изо всех сил сопротивляться этому тлетворному влиянию окружающей среды. Но это сопротивление не могло продолжаться бесконечно долго.

Разница в возрасте не позволяла мне дружить со старшекурсниками. В общежитии я дружил только со своими сверстниками. Их комната располагалась в другом корпусе общежития. Я проводил там довольно много времени. В этой комнате так же жил один кореец, у которого было советское гражданство. Его звали Ким. Он был семейным человеком в возрасте 32-х лет. Роста он был небольшого, но накачан хорошо, так как занимался тяжелой атлетикой. В начале с нами, малолетками, Ким не общался – только все время злобно ворчал на нас. Из-за этого я один раз с ним подрался – ударил его кулаком по лицу. Ким не ударил меня в ответ. Он только схватил меня за одежду на груди и сказал:

– Я не ударил тебя, потому что я могу убить тебя одним ударом – но мне этого не хочется делать.

На какое-то время мы стали с ним врагами.

Для поддержания чистоты своего тела, я регулярно посещал в Москве Песчаные бани, которые располагались рядом с метро Сокол. У москвичей они пользовались популярностью, хотя были довольно примитивными и грязными – даже по сравнению с нашей баней в Борисоглебске. Мне нравилось то, что в Песчаных банях можно было попить свежее пиво прямо в раздевалке. Один раз я встретил там знаменитых людей – хоккеистов Петрова и Михайлова.

В общежитии на первом этаже было студенческое кафе «Икарус». Дети московской элиты часто устраивали там свои вечеринки. На них играла группа Стаса Намина. Нам, простоядидам, вход на эти вечеринки был запрещен. Чтобы послушать приятную музыку, я часто стоял у окна того кафе. Однажды рядом со мной остановилась легковая машина, за рулем которой сидел хоккеист Владислав Третьяк. Из кафе к нему выбежали два босоногих хиппи. Один, обращаясь к Третьяку, сказал:

– Владик, заходи к нам в кафе повеселиться.

Третьяк ответил:

– У вас кадров нет.

Очевидно, под кадрами он имел в виду хороших девушек.

В мае 1972 года ожидался визит американского президента Никсона в Москву. В связи с этим в апреле того года в Москве открылась американская выставка. Вход на нее был свободным. Безусловно, я поехал на эту выставку. На входе в павильон мне бесплатно дали большой красочный журнал, а на выходе – красивый и тоже бесплатный значок. В павильоне были различные стенды с легковыми автомобилями, телевизионным оборудованием, бытовой техникой и т.д. У большинства стендов стояли стендисты и отвечали на различные вопросы посетителей.

У стенда с автомобилями стоял один американец, который очень чисто говорил по-русски. Его спросили:

– Почему американцы не покупают советские автомобили?

Американец дипломатично ответил:

– Даже в вашей стране очень трудно достать запчасти к вашим автомобилям. А в Соединенных Штатах это будет практически невозможно сделать.

У другого стенда стоял американец, который не очень чисто говорил по-русски. К тому же посетители его недолюбливали. Они задавали ему разные неприятные вопросы. Он от этого сильно злился. Один вопрос звучал так:

– Почему в вашей стране много безработных?

Американец в ярости и с сильным акцентом кричал:

– Но они получают пособие по безработице!

Большой популярностью пользовалась одна американская девушка, которая довольно сносно говорила по-русски. Вокруг нее всегда собиралось много посетителей. Она охотно и вежливо отвечала на их вопросы. Один человек спросил ее:

– Какой общественный строй вам больше нравится – американский или советский?

Девушка ответила:

– У нас в Америке больше ценится индивидуализм, а у вас – коллективизм. Но истина находится где-то посередине.

Я посетил ту выставку несколько раз – чтобы набрать как можно больше бесплатных значков. С каждым разом я чувствовал себя там все более и более раскованно. Наконец я решил на то, чтобы сделать запись в книге отзывов выставки. Я открыл эту книгу и прочитал несколько предыдущих отзывов. Все они были положительными, и только в последнем было написано: «Я ожидал большего». Недолго думая, я оставил в книге свой отзыв: «Долой капитализм! Мы за власть советов! МАИ-72».

На майские праздники я уезжал в Борисоглебск. Из Москвы я выехал в компании физтеховцев. Среди них были Сергей и Гаврик. Веселье было невообразимое. Эти парни приготавливали коктейль, руководствуясь фирменными рецептами своего вуза. Это была смесь водки, вина и пива. Выпив один стакан этого потрясающего напитка, я сразу окосел, залез на верхнюю полку и заснул. Вскоре меня вырвало – прямо на лысину одного мужчины, сидевшего внизу за столом.

Во второй половине мая состоялся долгожданный визит президента Никсона. Ради любопытства я приехал на ту улицу, по которой должны были ехать из аэропорта машины с Брежневым, Никсоном и сопровождающими их лицами. Народу было много. Ждать пришлось довольно долго. Неожиданно люди, стоявшие рядом со мной, ринулись куда-то бежать. Оказалось, что одна длинноногая американка в мини-юбке попыталась взять интервью у какого-то русского мужика. Огромная толпа окружила и чуть не задавила эту несчастную женщину. С большим трудом вырвавшись из толпы, американка побежала к своей машине, спотыкаясь и одергивая юбку.

Наконец появились машины с Брежневым и Никсоном. Но они проскочили так быстро, что я ничего не успел рассмотреть в них. Разочарованный, я вернулся в общежитие.

По окончании первого курса в 1972 году, сдав вторую в своей жизни сессию, я все лето провел в студенческом строительном отряде «Красноярскгэсстрой-72». Записался я в него из романтических побуждений. Но все оказалось гораздо прозаичнее. Неприятности уже начались в самолете Ил-18, в котором мы летели в Красноярск. На протяжении всего полета я не выходил из туалета – меня все время рвало.

В Дивногорске, городе строителей Красноярской ГЭС, мы строили стадион. Сначала копали землю, потом укладывали бетон и т.д. Работали по 10 часов в сутки с одним выходным в воскресенье. Работа для меня оказалась очень тяжелой. Мышцы моих рук из-за долгого пребывания в гипсе были атрофированы, и я не мог надежно удерживать ими лопату и носилки. К тому же в бригаде я был самым молодым. В работе я значительно отставал от других. Я проклинал себя за то, что записался на эту каторгу.

Через несколько дней вся бригада уже враждебно смотрела на меня. Чтобы избежать нежелательных конфликтов меня перевели на другую работу. Вдвоем с еще одним слабаком типа меня, я красил скамейки для городского парка. Работа была легкая, на свежем воздухе. С того места, где мы красили скамейки, открывался прекрасный вид на Енисей и покрытые лесом сопки. Я уже успокоился и думал, что такое удовольствие будет продолжаться до конца стройотряда.

Но люди в нашей бригаде были дьявольской породы – они уговорили командира отряда перевести меня на самую тяжелую работу. Местом этой работы были очистные сооружения. Огромные бетонные бункеры (банки) этих сооружений были до краев наполнены крупной щебенкой. Надо было очистить все бункеры от щебенки до самого пола. Работа была адская – многие взрослые мужчины отрубались на ней. От трения о щебенку, металлическая часть совковой лопаты истиралась до самой ручки за несколько часов работы.

Неожиданно для самого себя, я стал работать там, ни в чем не уступая другим. Рядом со мной работал здоровый парень, отслуживший в Морфлоте. В редкие минуты перекуров, когда мы выходили из бункеров на свежий воздух, этот парень, чуть не плача, жаловался мне, что он вырубается от чрезмерно тяжелой работы. Наверно, он видел во мне более сильного человека, чем он сам. Но ведь совсем недавно я был последним слабаком. Что же произошло?

Очевидно, в стройотряде под влиянием режима и свежего воздуха я значительно окреп. Немаловажную роль в этом сыграло и питание. Кормили нас неплохо. К тому же я заметил, что чем больше я съедал пищи, тем выше была моя работоспособность. Поэтому я заставлял себя съесть всю свою пайку, не оставляя ничего. И еще я добавлял к этому как можно больше хлеба, который давали не ограниченно.

Мы досрочно закончили очистку банок и по традиции многократно кричали крепкое русское слово, обозначающее «окончание». При этом девушки делали это отдельно от парней – для приличия.

Потом я вернулся в свою бригаду на стадион. Работа там была полегче, чем на очистных. Я включился в работу на всю свою мощь, которая в последнее время значительно возросла. Теперь многие члены бригады уже не успевали за мной. Враждебность ко мне еще более усилилась.

В бригаде я оказался изгоем. Это вызывало во мне глубокие душевные переживания. Но после одного случая я на некоторое время воспрянул духом. К нам на стадион приехал фотокорреспондент местной газеты, чтобы сделать снимок какого-нибудь бойца бригады. Присматриваясь к нам, он долго выбирал подходящего человека. К моей большой радости он выбрал меня. Конечно, он не знал, что я в бригаде был изгоем. И никто ему об этом не сказал. На его снимке я стою, обнаженный по пояс, и держу в руках совковую лопату, наполненную бетоном. Этот снимок потом передали мне, и он до сих пор хранится в моем архиве.

Меня даже собирались избить всей бригадой, но не стали, придумав вместо этого изощренную моральную пытку. На заключительном собрании бригады каждому ее бойцу зачитывалась характеристика, составленная по итогам его работы. У всех были прекрасные характеристики. В самом конце зачитали мою характеристику. Это был сплошной набор оскорбительных и унижительных фраз в мой адрес. Я слушал все это, покраснев и низко опустив голову. Я испытывал ужасное чувство стыда. Поступило предложение объявить меня «сачком по убеждению». Его поддержала вся бригада.

Сашка, мой сосед по общежитию, тоже был бойцом той бригады. Но, в отличие от меня, он был каким-то тихим и незаметным. По приезде в Москву, он, заразительно смеясь, сказал Елисееву:

– Нашего козерога в стройотряде признали сачком по убеждению!

Елисеев, укоризненно посмотрев на меня, произнес фразу, которая потом стала на несколько лет девизом моей жизни:

– От работы еще никто не умирал.

Из Дивногорска в Москву мы возвращались на поезде. Эта поездка продолжалась трое суток. В очередной раз меня унизили – никто из нашей бригады не хотел ехать в одном купе со мной. Мне пришлось ехать с бойцами другой бригады. Неожиданно для меня, эти парни очень тепло отнеслись ко мне – я опять почувствовал себя нормальным человеком.

Наконец все мучения закончились, и я вернулся в Москву. В кармане у меня лежали заработанные адским трудом деньги – 200 рублей. Я сидел в зале ожидания Казанского вокзала, чтобы через несколько минут уехать в родной Борисоглебск. Ко мне подошел парень со свертком в руке и предложил купить у него за 20 рублей канадские джинсы. Он сказал: «Джинсы как раз по тебе». Фирменные джинсы только начинали появляться в Москве – в Борисоглебске таких штанов вообще еще никто не видел. Я купил эти джинсы, даже не взглянув на них.

На другой день по приезду домой я надел эти джинсы. Действительно, парень был прав – джинсы были как по мне: низкая талия, верх в обтяжку, книзу клеш. Увидев меня в этих штанах, мать заплакала и стала умолять меня:

– Сними их. Не позорь меня. Никто в городе так не ходит.

Вечером я пошел в этих джинсах на танцы в Дом офицеров. Проходя по залу, я слышал за спиной голоса девушек:

– Вот это штаны! Я хочу с ним!

Все девушки, которых я приглашал, с радостью шли со мной танцевать. Там я познакомился с одной девушкой и провожал ее после танцев домой. Ее звали Рита. Потом мы с ней долго дружили, то встречаясь, то опять расставаясь.

Вернувшись в Москву, я начал благодаря этим джинсам делать успехи у девушек. В нашей компании был парень Коля Темляков. Он играл на гитаре, хорошо пел, умел поболтать и пошутить. Благодаря ему у нас завязывались знакомства с девушками из многих Московских вузов. И везде мне доставались самые лучшие девушки – мои джинсы действовали на них гипнотически. Как правило, приезжая к девушкам в общежитие, мы сначала пели им песни под гитару, потом выключали свет и невинно целовались с ними. Секса конечно не было.

Чаще всех других песен мы пели Гимн студентов МАИ. В нем были такие строки:

Но вот разбегутся дороги.

Узда инженера узка.

Но были же мы козероги!

Об этом забыть нам нельзя!

Забыть, как зачеты сдавали.

Забыть наш любимый МАИ.

Ты помнишь, как водку из банок хлебали

Из-под баклажанной икры?

Вероятно, эти строки были написаны очень давно, так как мы, студенты МАИ, хлебали не водку, а в основном пиво и марочные вина. В студенческих буфетах конечно была баклажанная икра. Но банок от этой икры у нас не было.

Один студент дал мне почитать литературу, которая в то время считалась нелегальной. Это был опечатанный на пишущей машинке перевод с английского инструкций, рекомендующих как надо заниматься любовью с женщинами. Я, конечно, не поверил в эту чушь, но решил испытать кое-что оттуда на одной симпатичной и фигуристой девушке по имени Оля. В инструкциях было написано, что девушку надо целовать в грудь. Во время очередного визита к девушкам, я расстегнул Оле блузку и начал целовать ее грудь. Вскоре я вынужден был прекратить эту процедуру, так как ее грудь была покрыта слоем грязного жира – очевидно, Оля давно не мылась. Мне стало так противно, что я перестал к ней ездить. Но Оле эти ласки наверно понравилось, потому что она приезжала в наше общежитие и искала меня. Предупрежденный ребятами, я сбежал. Ребята же смотрели на меня с удивлением и завистью – Оля действительно была внешне хороша.

Был такой случай. В Химках мы, образовав круг, стояли и болтали с девушками недалеко от их общежития. В этот круг ворвался какой-то местный парень и, назвав себя «королем Химок», начал хамить. Я ударил его по лицу – он упал. Коля ударил его несколько раз ногой. Оказалось, что за нами с противоположного тротуара следила огромная шайка местных парней. Увидев, что их друга бьют, они ринулись на нас. Мы с Колей побежали – и началась погоня. Мы долго не могли оторваться от этой разъяренной толпы, готовой растерзать нас. Коля уже начинал выдыхаться и лепетал:

– Мама, мама...

Когда мы оказались на какой-то стройке, Коля нырнул в большую трубу. А меня одного еще долго преследовали эти парни, выкрикивая страшные угрозы. Но вот, наконец, после очередного поворота, я остановился, ожидая появления этой толпы из-за угла – но погоня прекратилась. Больше в Химки мы не ездили.

Один раз я решил пойти на Центральный стадион имени Ленина, чтобы посмотреть игру Спартак с голландским Аяксом. В то время этот стадион мог вмещать 100000 зрителей. Перед стадионом я остановился и стал наблюдать, как толпы болельщиков валили на игру. Рядом со мной прошел артист Жженов. Все вокруг заговорили: «Жженов! Жженов!»

Билет на матч стоил очень дорого, и я не стал его покупать. Когда матч начался, и все люди рядом со мной разошлись, я решил пройти на стадион без билета. В некоторых местах нижний ярус стадиона был закрыт металлической решеткой. Я без труда забрался по этой

решетке на верхний ярус и прошел на стадион. Сделать это оказалось даже легче, чем без билета пройти в Борисоглебский кинотеатр.

Приобретая опыт общения с людьми и приспособляясь к окружающей среде, я, конечно, изменялся. Так как комсомольцам запрещалось верить в бога, то основ христианского учения я тогда не знал. Тем не менее, я начинал постепенно понимать, что главным в отношении с людьми является любовь к ним. Причем любовь не только к своим друзьям, но и к врагам. Свое поведение я стал строить именно на этом принципе. И окружающие меня люди, как друзья, так и враги, ответили мне хорошим отношением ко мне. Меня начали ласково звать Игрушка (ласкательное от Игорь). Кореец Ким, с которым я дрался, стал моим хорошим другом.

К Киму иногда заходил некий гражданин Японии. И, очевидно, с подачи Кима этот японец один раз подарил мне билет в Большой театр. Конечно, я не упустил возможность хотя бы раз побывать там. В тот вечер в Большом театре шла опера «Царская невеста» – исключительно для иностранцев. Среди иностранной публики, собравшейся в театре, можно было увидеть как прилично одетых людей, так и грязных хиппи в джинсах, наподобие моих.

Я оказался в ложе с западными немцами. По ходу оперы на сцене разворачивалось свадебное торжество. Множество людей сидело за столами, а мужики с подносами разносили им различные блюда. Неожиданно один из этих мужиков споткнулся и упал. Блюда, стоявшие у него на подносе, с характерным шумом разлетелись по сцене. Немцы в нашей ложе отреагировали на эту накладку хохотом. Потом в антракте они, перекликаясь со своими земляками из другой ложи, повторяли:

– Schlecht, schlecht! [Плохо! Плохо!]

В другой раз японец дал мне большую сумму денег и попросил съездить в ресторан на Аэровокзале. Дело в том, что было уже поздно, винные магазины были закрыты, а японцу хотелось выпить. Он сказал мне, что я должен заказать там две бутылки вина и закуски на свое усмотрение. Потом посидеть там, выпить одну бутылку, а другую привезти ему.

Официантка, приняв у меня заказ в ресторане, спросила:

– Не много ли для одного две бутылки вина?

Я ответил, что выпивал и больше. Она выполнила заказ. Посидев там и выпив одну бутылку, я захмелел, и меня потянуло на подвиги. Спрятав вторую бутылку в карман, я вышел из ресторана и по дороге домой зашел в женское общежитие Института пищевой промышленности. Это общежитие располагалось неподалеку от нашего. Многие парни из МАИ дружили с девушками из пищевого института.

В женском общежитии я постучал в комнату к девушке, про которую я слышал от старшекурсников. В разговорах между собой они часто называли ее имя и номер комнаты, где она жила. Все это я хорошо запомнил. Девушка вышла, села в коридоре на подоконник, раздвинула ноги и поставила меня между ними. Потом она так присосалась к моим губам, что я еле оторвался. Это меня напугало, и я поспешил поскорее доставить бутылку японцу.

Потом эта девушка рассказывала старшекурсникам, что к ней приходил какой-то парень с бутылкой вина. Она уже собиралась заняться с ним сексом, но он почему-то сбежал.

Нравственная деградация старшекурсников из моей комнаты к тому времени достигла наивысшего уровня. Их любимым развлечением стало ходить по московским магазинам и что-нибудь воровать там с витрин. Вещи, которые они воровали, были старшекурсникам совсем не нужны. Часто они их просто выбрасывали. Но азарт безнаказанного воровства заставлял этих людей постоянно рисковать своей свободой.

У Трушкина было еще одно не менее опасное развлечение. Он садился в такси и долго катался на нем по Москве. Потом подъезжал к проходной общежития и говорил водителю:

– Шеф, подожди пару минут здесь. Я зайду к себе и потом вынесу тебе деньги за проезд.

Водитель доверчиво ждал, потом начинал сигналить. В конце концов он уезжал ни с чем. А Трушкин сидел в комнате общежития и довольно улыбался.

Однажды старшекурсники всей компанией пошли в ресторан. Покидая его поздней ночью, они украли в раздевалке чей-то чемодан. На другой день утром я проснулся и увидел этот чемодан на столе. Я не удержался и заглянул в него. Самым интересным предметом там оказались аптечные весы. Я достал их и стал рассматривать.

Елисеев увидел это. Недовольный тем, что я нахально залез в чемодан, он ударил меня кулаком по лицу. Я, конечно, нанес ему ответный удар. Елисеев когда-то серьезно занимался боксом. Поэтому следующим ударом он сбил меня с ног. Я упал на свою кровать. Когда я попытался встать, Елисеев просто толкнул меня руками. Я опять растянулся на кровати и остался так лежать. Елисеев достал из своей сумки бутылку марочного вина и откупорил ее. Налив полбутылки в пивную кружку, он протянул ее мне и сказал:

– Пей!

Я выпил вместе с ним, и наша ссора сразу забылась.

Однажды Сашка, наконец, привел в общежитие девушку, чтобы с ее помощью из статуса мальчика перейти в статус мужчины. Девушка была хромоногой и прыщавой. Но Сашку это не смущало. Нам пришлось некоторое время ждать в коридоре, пока Сашка повышал свой статус. Ему это удалось, и старшекурсники искренне поздравили его с блестящей победой.

В общежитии на нашем этаже поселился студент Вячеслав Полейко. Он обладал блестящим талантом актера. Полейко часто выступал на сцене студенческого театра и всегда имел огромный успех. Но в отношении с другими студентами он, несмотря на это, был всегда прост и внимателен.

Один раз у меня возникла проблема. Я раздобыл тексты песен «Let It Be» и «Hey Jude» из репертуара Битлз, чтобы петь их под гитару. Но, так как песни были на английском, а я учил немецкий, то я не мог правильно произносить их слова. Полейко знал английский, и я попросил его написать мне на бумаге русскими буквами произношение тех слов. Полейко тщательно и аккуратно выполнил мою просьбу. И я до сих пор пою эти песни так, как он мне написал.

Однажды, уже много лет спустя, я смотрел одну из передач центрального телевидения. Мне показалось, что ведущий этой передачи как две капли воды похож на Полейко. Когда в титрах я увидел его фамилию, то окончательно убедился, что это именно он. Полейко еще несколько раз вел эту передачу, но потом куда-то бесследно исчез.

Зимой в Москве свирепствовала эпидемия гриппа, которая не обошла и меня. В первой половине дня я обратился в поликлинику МАИ. У меня была очень высокая температура, и врач сказал мне возвратиться в общежитие, лечь в постель и ждать приезда скорой помощи. В постели я пролежал без пищи целый день. Скорая приехала и забрала меня только поздно вечером.

В больнице меня бросили к какой-то неотопливаемый тамбур, где я пролежал довольно долго, пока меня не поместили в палату. Ночью я не спал. Мой организм боролся с болезнью на пределе своих возможностей, и к утру он победил. Никакого лечения мне никто не назначал – ни врач, ни медсестры со мной не контактировали. Питание практически отсутствовало – если можно назвать питанием стакан бульона с маленьким кусочком хлеба. Я пробыл в этой больнице несколько дней и, будучи до этого довольно худым, отошел там вообще до крайней степени. Когда я вернулся в общежитие, мои соседи по комнате с изумлением отметили это.

Неприятности продолжали преследовать меня. Однажды, получив стипендию (40 рублей), я положил эти деньги в паспорт, а паспорт – в карман пиджака. В ту ночь мои соседи по комнате отсутствовали. Когда я лег в постель, в комнату постучал неизвестный мне парень и попросился на ночлег, объяснив это тем, что метро закрыто. Руководствуясь принципом любви к людям, я предложил ему на выбор три свободные койки. На одну из них он молча лег.

Когда я проснулся утром, парня уже не было. Я оделся и спустился в буфет, чтобы позавтракать. Паспорт лежал в пиджаке на месте, но деньги отсутствовали. Это была благодарность того парня за мое гостеприимство.

В зимнюю сессию мне запомнился экзамен по математическому анализу. Получилось так, что я пошел сдавать не женщине-ассистентке, которая вела практические занятия, а самому профессору Смирнову, который читал лекции. Когда я ответил на билет, он стал мне задавать уйму дополнительных вопросов. Я дрожащим голосом отвечал на все эти вопросы. Профессор начинал злиться и продолжал задавать вопросы, стараясь завалить меня – очевидно, внешне я не был похож на студента, знающего математический анализ на отлично. Но тут мне на помощь пришла та женщина-ассистентка, сказав профессору:

– Это мой лучший студент.

Профессор молча поставил мне «хорошо».

В ту сессию я три раза ходил сдавать зачет по немецкому, но так и не сдал. За это я был лишен стипендии на один семестр (5 месяцев). Финансовые трудности, которые я испытал в следствие этого, подтолкнули меня к активным действиям. Я засел за углубленное изучение немецкого языка. По крайней мере один час в день я усиленно занимался немецким, переводя самые сложные технические тексты из книг, изданных в Германии. Выписывал все незнакомые мне немецкие слова с их переводом, а потом зубрил их в течение дня.

Через несколько месяцев таких занятий преподаватель немецкого отметила мое отличное знание этого языка, и в последствии у меня уже не было никаких проблем с немецким. Более того, много лет спустя опыт, приобретенный мной при изучении немецкого, помог мне так же изучить английский язык. Деньги, заработанные мной на знании английского, с лихвой покрыли те убытки, которые я понес, не получая стипендию.

Приближалось лето – сезон стройотрядов. Я опять попросился в Дивногорск. Но мне отказали из-за отрицательной характеристики, данной мне в стройотряде годом ранее. Но я продолжал настойчиво просить, и в конце концов комиссар отряда сказал мне:

– Ты пошел один против всех в том стройотряде. Значит ты – сильный духом человек. Я беру тебя, не смотря на отрицательную характеристику.

Вначале надо было заработать сигареты для стройотряда. Мы пришли на сигаретную фабрику «Ява». Во всех ее цехах пол был чуть ли не до пояса засыпан табаком. Нам хватило одного дня напряженной работы, чтобы очистить все помещения от этого мусора. За это мы получили несколько больших ящиков с сигаретами для стройотряда и, в качестве премиальных, каждому из нас дали еще по два блока сигарет.

Так как я не курил, то начал раздавать сигареты своим курящим товарищам. Но под конец у меня все равно осталось две пачки, которые не кому было отдать. Я выкурил одну сигарету, потом другую. Когда ехал в автобусе, мне стало плохо от выкуренных сигарет, и я попросил водителя остановиться. Но со временем я втянулся в курение и стал заядлым курильщиком.

Затем опять был долгий перелет на самолете Ил-18 в Красноярск. На удивление я перенес его легко. В Дивногорске я отчаянно взялся за работу. Работал с полной отдачей, на износ – чтобы оправдать доверие, оказанное мне комиссаром. С одним молчаливым студентом в очках мы таскали невероятно тяжелые носилки с раствором на пятый этаж – и все это в хорошем темпе. Дошло до того, что, простудившись после сплава по реке Мане и имея высокую температуру, я все равно работал. Перед глазами все плыло, но как Павка Корчагин, я не сдавался.

Местные рабочие, наблюдая нашу самоотверженную работу, подходили к нам и говорили:

– Ребята, никто здесь так не надрывается, как вы. Вы угробите себя.

Но мы не унимались.

На торжественном собрании отряда я был награжден медалью с надписью: «Красноярская ГЭС 6000000 1973» и памятной книгой «Енисей» с дарственной надписью: «Бойцу ССО

МАИ т. Окуневу И.В. за работу на объектах г. Дивногорска от коллектива «Гражданстрой», август 1973 год». Эти реликвии до сих пор хранятся у меня.

О двух идиотах, которые бегом затаскивали носилки с раствором на пятый этаж, очевидно, сообщили краевому руководству. И нас стали каждый день возить в Красноярск, где строилось девятиэтажное здание Районных Энергетических Сетей (РЭС). Там нам предложили делать то же самое, что и в Дивногорске – только на четыре этажа выше. Мы с радостью взялись за эту работу, и, провожаемые восхищенными взглядами местных рабочих, быстро таскали носилки с раствором на девятый этаж. Для облегчения мы при этом выкрикивали крепкие русские слова.

Это продолжалось дней пять. Но потом, приезжая в Красноярск, мы с удивлением стали замечать, что работать нас уже никто не просит. Сначала мы, следуя принципу: «Нам хлеба не надо – работу давай!», возмущались. Но потом поняли, что это глупо. Мы перестали возмущаться и, по-русски говоря, до конца стройотряда там ничего не делали.

Мы часто сидели на крыше того дома и наслаждаясь видами Красноярска. Этого нам показалось недостаточно. Тогда мы стали экономить деньги, которые нам выдавали на обед – а каждый день на это нам выдавали по рублю. На сэкономленные деньги мы по старой студенческой традиции пили пиво.

Тот студенческий отряд запомнился походами в тайгу, чего не было в 1972 году. Во время одного из таких походов нас на теплоходе по морю, образованному Красноярской ГЭС, отвезли далеко в тайгу и высадили на берег. Первую ночь в тайге мы провели довольно комфортно: лежа вокруг большого костра, укрывшись теплыми одеялами и приняв небольшую дозу спиртного. Некоторые из нас не подозревали, что следующую ночь им придется провести совсем в других условиях: полураздетыми, мокрыми, голодными и замерзающими от характерного для тайги ночного холода на застрявших в воде посередине огромной реки бревнах.

Утром нас подняли, накормили и каждому положили в рюкзак предметы, необходимые для вязки плотов. Мне достался стальной трос, которым я потом растер себе спину до крови. Мы долго шли по тайге, то поднимаясь на сопки, то спускаясь с них, и наконец вышли к реке Мане. Это – огромная река с мощным течением. По ней сплавляли лес, спиленный в тайге.

Все участники похода стали вылавливать плывущие в воде бревна и вязать из них плоты. Вода была ледяная. Поэтому после каждого захода в нее мы выпивали немного водки. Затем, погрузившись на плоты, мы тронулись в довольно долгий путь к тому месту, где эта река впадает в Енисей.

Экипаж нашего плота состоял из студентов и одного преподавателя. Очевидно в следствие некоторого опьянения, мы вместо двух весел сделали только одно. Поэтому на протяжении всего дня мы то и дело насккивали на заторы, образованные бревнами. С огромным трудом мы снимались с этих заторов, теряя при этом одежду, еду и время. В конце концов наш плот безнадежно отстал от основной группы.

В то время у меня еще была водобоязнь, появившаяся из-за атрофии мышц рук после их перелома. Я сидел на плоту и дрожал от страха при виде бушующих со всех сторон водных потоков. Конечно, природа вокруг была очень красивая – но мне в тот момент было не до этой красоты.

В одном месте мы причалили к берегу, чтобы сделать второе весло. В глубине тайги виднелась какая-то избушка – возможно в ней кто-то жил. Когда мы уже собирались отчалить от берега, из кустов выскочила небольшая собака и прыгнула к нам на плот. Теперь у нас появился еще один член экипажа.

Начинало темнеть. У меня утонуло много вещей. Я оставался в одних брюках – обнаженный по пояс. Лучшим продолжением для нас было бы причалить к берегу и провести ночь на берегу. Но мы надеялись, что вот-вот доплывем до цели своего путешествия. Как мы после узнали, до этой цели было еще очень и очень далеко.

Когда совсем стемнело, управлять плотом стало невозможно – мы ничего не видели перед собой. По характерному шуму воды мы только могли догадываться, что затор где-то рядом. Но точно определить его местонахождение было невозможно. В кромешной темноте мы налетели на очередной затор, но удачно перепрыгнули на него. Нам предстояло пробыть там всю ночь, а это было ужасно – по ночам в тайге очень холодно.

Вскоре мы почувствовали этот нестерпимый холод, усиленный еще и голодом. Чтобы согреться, мы как можно ближе прижимались друг к другу. Но это не помогало, и нас охватывал смертельный ужас. Некоторые из нас в панике кричали:

– Мама!

Но летняя ночь проходит быстро. Вот настало утро. Мы огляделись вокруг и вздохнули с некоторым облегчением – наш затор находился не в центре огромной реки, а довольно близко к ее правому берегу. Спрыгнув в воду, мы крепко ухватили друг друга за руки. Вместе борясь с сильным течением, мы перешли на берег.

Но собака осталась на заторе. Она стала скулить. После некоторых колебаний, преподаватель бросился в воду и, уже один борясь с течением, пошел за собакой. Взяв ее на руки, он с большим трудом отправился назад. Несколько раз он спотыкался и был близок к тому, чтобы упасть. А это было очень опасно – его могло утащить течением на глубокое место. Но, в конце концов, он вместе с собакой достиг берега.

Теперь нам предстояло преодолеть еще одно препятствие – перед нами оказалась высокая, почти отвесная скала. Мы справились и с этим. Потом мы, ослабленные и голодные, еще долго шли вдоль реки до поселка Усть-Мана. Там мы упали на землю и мгновенно уснули. Кто-то из местных позвонил в наш отряд, и за нами приехал командир. Увидев нас живыми, он не скрывал своей радости. У него были все основания опасаться худшего.

Когда мы вернулись из стройотряда в Москву, нас сразу же бросили в один из подмосковных колхозов на уборку картофеля. Сначала мы работали хорошо. Но условия проживания, в которых мы оказались, были ужасными – кормили нас отвратительно, в жилых помещениях было холодно. На этой почве у нас начались конфликты с нашим командиром.

Постепенно мы перестали работать. Заняться было нечем, и мы занимались чем придется. Я лично бродил по лесу. Там в изобилии созрели орехи. Я собирал их в большом количестве и, разгрызая зубами, ел. В результате я повредил себе несколько зубов, от чего впоследствии страдал всю жизнь. Один раз, потеряв в лесу ориентир, я долго блуждал и начал уже паниковать. Но в конце концов вышел к поселку на звук собачьего лая.

Одна группа студентов развлекалась тем, что, построившись в колонну, ходила строевым шагом. При этом студенты старательно и с душой пели строевую песню. В ней повторялась только одна строка, представлявшая собой традиционное русское ругательство.

В конце концов мне все это надоело, и я написал письмо матери с просьбой прислать мне срочный вызов в Борисоглебск по причине какого-нибудь происшествия. Вскоре такой вызов поступил, и командир без всяких возражений разрешил мне уехать.

Отдохнув немного дома, я вернулся в Москву, чтобы продолжить учебу. К этому времени относится моя первая попытка заняться научной работой. Я нашел решение одного из простейших случаев теоремы Ферма. Это решение представляло собой математическую формулу, с помощью которой можно находить целые числа a , b и c , удовлетворяющие равенству:

Я рассказал об этом своим друзьям. Проверив и убедившись, что все правильно, они посоветовали мне показать это на кафедре математики. Я пошел туда и сообщил о своих результатах. Сидевшая там женщина замахала на меня руками и сказала:

– Иди, иди, это тебе совсем не нужно.

А что же мне было нужно? Пьянство и разврат? Я ушел и больше научной работой в МАИ не занимался.

Тем не менее, я продолжал упорно изучать немецкий язык. Я пытался достичь такого уровня, чтобы свободно читать любой технический текст на немецком, не прибегая к помощи словаря. Пока мне это не удавалось, но прогресс, конечно, был.

В то время вместе с лучшими своими друзьями я часто ходил в московские рестораны, бары, кинотеатры и т.д. Однажды со студентом по прозвищу Джон мы пошли на премьеру фильма «А зори здесь тихие» в кинотеатр «Октябрь», который располагался на Новом Арбате. Времени до начала сеанса оставалось много. Джон в то время имел более богатый, чем у меня, опыт употребления спиртных напитков. Он предложил мне распить бутылку вина. Я неохотно согласился. Мы купили вино, и, чтобы распить его, Джон затащил меня в какой-то грязный подъезд. Мне очень не хотелось пить вино в таких мерзких условиях. Но пришлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.